

Причуды ЮЖАН

Поль
Сидиропуло

Крониный фарс

Поль Сидиропуло

Причуды южан. Ироничный фарс

«ИТРК»

2017

УДК 82.312.6
ББК 84-44

Сидиропуло П.

Причуды южан. Ироничный фарс / П. Сидиропуло — «ИТРК»,
2017

ISBN 978-5-88010-421-5

Действующие лица, коллизии и перипетии ироничного фарса «Причуды южан» переплетены с судьбами простых людей, живущих на Северном Кавказе, на Юге России. Меняются исторические эпохи, но быт людей, их психология, их мироощущение, чаяния и надежды остаются прежними. Каждый ищет свое место под солнцем, каждый мечтает встретить свою любовь. Книга предназначена для читателей всех возрастов, особенно тех, кто ценит тонкий кавказский юмор и изящный авторский стиль.

УДК 82.312.6

ББК 84-44

ISBN 978-5-88010-421-5

© Сидиропуло П., 2017
© ИТРК, 2017

Поль Сидиропуло

Причуды южан. Ироничный фарс

© Сидиропуло, Поль, 2017

© Издательство ИТРК, 2017

***

*Посвящается отцу и матери, Пе тру Кузьмичу и Прасковье
Алексеевне*

*Чувство собственного достоинства – середина между своеобразием
и подхалимством...
Аристотель*

1

Мастер-Григорий нигде не получал такого удовлетворения, как у себя в саду, под кроной ветвистой яблони. Перед ним самодельный верстак с сапожным инструментом, а рядом мангал с горящими углями. Старик давно на пенсии, но не мыслил свою жизнь без работы. Туфли почти готовы, но он продолжал усердно наносить последние штрихи своему творению и что-то тихо напевал. Впрочем, скорее мурлыкал он любимый мотив сквозь чуть приоткрытый рот, увлеченный, сосредоточенный.

– Отец! Отец! – отвлекла его Мария, сноха, женщина подвижная, по-девичьи стройная, несмотря на то, что давно перевалило ей за сорок.

Крупные карие глаза ее были полны нетерпения, а красота, прочно сохранившаяся на ее овальном лице, приобрела нарочитую холодную строгость. Под мышкой ее раскудаhtалась крупная рябая курица, как будто передразнивала покрикивающую хозяйку.

Григорий покачал головой, усмехнулся снисходительно, как бы наперед зная, что ничего важного сноха не скажет.

– Слушаю, что у тебя? – Он свел к переносице пучки поседевших бровей.

– Долго еще будешь няньчиться с туфлями? – выпалила она сердито, резче, чем сама того желая. – С минуты на минуту подъедет Спартак, а к столу у меня еще не все готово.

Григорий чуть выждал и спокойно спросил:

– И с чем же ты все утро возилась?

Мария едва не выронила курицу.

– У женщин, отец, дело всегда найдется. Твои бы мне заботы!

– Она остро покосилась на туфлю, словно из-за нее возник спор.

– Встань, говорю, зарежь курицу.

Старик нахмурился, уткнулся в работу.

– Попроси кого-нибудь из соседей.

– Кого я буду искать? Все нынче заняты по горло. Носятся, как угорелые. И стар, и мал – все подались в бизнес. Коммерсантами себя вдруг возомнили.

– Попроси Иосифа. – Он покосился в сторону соседнего дома.

– Ёську что ли? – брезгливо уточнила Мария. – Колобка? Тяжеловоза что ли? – смешок ворвался ей в рот.

– Ну! – Григорий не желал более отвлекаться. Но сухо поправил невестку. – Тяжеловес, хочешь сказать?

– Господи! Да он отродясь ничего в доме не делал! – осуждающе заметила Мария. – Мать его, Марфа, индюшка хрипатая, вот-вот треснет от важности, – с большой охотой переключилась сноха на соседку, – родила его на старости лет, и не приучила к труду. Порезется, еще во всех грехах Марфа меня потом осудит. И это потому, что с детства не приучают к самостоятельной жизни, – завелась она.

– Учиться надумал, переросток. Да когда не дано, взять неоткуда. Конечно, разбаловали. На всем готовом. Приготовь, поднеси... Скажи, зачем ей нужен был третий этаж? Она и сын? Нам назло. Чтобы закрыть нас от солнца...

– Возможно ли такое, дочка? – скептически отозвался Григорий.

– Светит отовсюду, вон сколько солнца!

– А с раннего утра – нет! – капризно стояла на своем Мария.

– Так в это время мы спим, моя хорошая...

– Ей какое дело! Может, у меня бессонница! Хочу выйти к себе во двор, прокричать: добро пожаловать солнцу! А какая-то мымра посмеет лишить меня такого удовольствия! – запалась Мария.

– Ничего приедет мой сынок – вымахает сразу же еще два этажа. Будет она после обеда сидеть в тени.

– Зачем это тебе, дочка? – мягко упрекнул ее старик. – Посмотри, какой у нас чудесный сад. Лишишь солнца деревьям, овощам, цветам, что сажаешь из года в год...

Григорий был прав, но Мария не хотела уступать:

– Надо было взять на рынке уже готовую курицу, как это делают другие! Больно хочется резать и общипывать птицу... – она сочувственно погладила курице голову.

– Позови Диму, – Григорий почувствовал легкое угрызение совести. – Он шустрый. Наверняка сможет справиться с курицей.

– Шустрый за каждой юбкой гоняться! – не одобрила Мария.

– Как и его наставник, Кира преподобный. Дылде жениться пора, а у него все еще в голове шальной ветер гуляет.

– Или не видишь? Мне нужно успеть к приезду внука! – старик надеялся, сама сноха поймет и не придется тратить попусту слова, объясняя. – Обувь шить – не блинчики печь, – он поплевал на суконку и принялся растирать туфлю. – Тяп да ляп.

Мария почувствовала себя задетой, да и курица время от времени беспокойно трепыхалась, надоедливо торопила. Она бросила сердитый взгляд на мангалку, где на горячих углях накалялся отделочный сапожный инструмент. И не со зла, а так обронила:

– Ты думаешь, Спартак станет носить эти туфли? Вон их сколько отовсюду навезли. Итальянские, австрийские, выбирай!..

– Я сделаю, а он – как хочет! Пусть не носит. Итальянские! Как будто наши руки не там растут!

Мария попала в цель: старик обиделся и еще круче склонился над туфлей, доводя ее до блеска. Сама с утра на взводе и свекру портит настроение. Разве не понятно ей: для любимого внука старается. Да и, честно говоря, лучше привозной обуви смастерит. Все и всегда его работу отмечали: мастер!

Не стала она ему более мешать: как флажок, пронеслась над кустарником ее цветастая косынка.

– Ёся! Иосиф! – прокричала она, стоя уже перед соседним домом. И поскольку ответа не последовала, развернулась лицом к дому напротив. – Дима! Говорю же, никого днем с огнем не отыскать. Марфа! Толку звать эту глухую тетерю...

На балконе, однако, появилась Марфа в полосатом махровом халате. Стало быть, услышала.

– Ты меня дозываетесь, Мария? – голос ее грубый и хриплый, как у тех, кто долгие годы курит. Огромная грудь ее вздымалась, издавая изнутри хрип, но сигарету с длинным мундштуком из рук она не выпускала.

– Да, Марфа, я, моя милая соседка, – притворно-ласково ответила Мария, как бы из жалости к грузной женщине, редко выходящей из дому. – Сын твой нужен, Иосиф.

– Говори громче, – выговаривающим тоном посоветовала Марфа, налегая на перила выпирающимся животом. – Просто беда с ушами, – она приложила к уху ложечкой сложенную ладонь. – Плохо слышу...

– Иосиф, говорю, нужен.

– Так на службе он. Или не знаешь? Днюет и ночует там! И еще на занятиях пропадает. Опять хочет поступать. Может, в этот раз осилит. Вот... – она затянулась, раскашлялась, покраснела аж.

Марии не понравился заносчивый тон соседки, и даже то, что она сказала – всё врет:

– Да лучше скажи, что стал снова ходить на подкурсы! Чего уж...

– А если так – нельзя? – Марфа перестала кашлять, но краснота с глаз ее не спала. – Может быть, запретишь моему сыну снова поступать?

– Почему? – хмыкнула Мария. – Даже хорошо, от чего же, – трясла она плечами в тихом отрывистом смехе. – Было бы желание – побольше ума набраться. Только, скажи, сколько можно мозолить глаза учителям? На юридический теперь, как на медицинский – все туда бросились! Конкурс – ни связи, ни деньги не помогут.

– Твержу своему сыну – дай! – протрубила сверху Марфа, сбрасывая вниз пепел. – И все пойдет, как по маслу. Отец его, царство ему небесное, оставил сколько надо. Упрямится. Сам, говорит. А сам – какой уже год мается.

– Незачем идти на юридический, попроще бы отыскал, по зубам! – налегла Мария на горло, перекрывая кудахтанье курицы, вырывающейся из ее рук. – Да какой из Ёськи юрист, бог ты мой? Или не видно? Или не понятно, не тянет твой сокол, как тебе еще объяснить?!

Марфа силилась не упустить ни слова соседки, но до ушей долетали обрывки, и она нервничала и злилась:

– Что же получается? Уж если твой сын учился в столице, обязаны все мы перед ним и тобой стоять на задних лапках? Никак все нынче помешались на столице. Потянуло всех туда магнитом. И здесь, слава богу, живем! Есть и у нас институты. Филиалы открыли.

– Застрочила, как швейная машина, – сощурилась Мария. – Не сама ли признала – мается?! И еще не один год будет мозолить учителям глаза.

Но Марфа продолжала сверху вещать, как с трибуны, не слыша всего, что говорит внизу соседка:

– Сколько надо, столько и будет поступать! Тебе-то что? – пыталась она приоткрыть ворот жаркого халата, распарившись от напряженного разговора. – Ну и что с того, что с неба звезд мы не хватаем! Да все у нас зато есть не на один десяток лет. Знаю, от чего ты места себе не находишь и страх берет! Да – страх! Как же! Пока твой ученый Архимед протирал в столице штаны, мы тоже баклуши не били. Вернется от свекрови, бог даст, мать Кати – пойдём сватать дивчину... – соседка вовсе жаром запылала.

– Рехнулась! – определила Мария и припугнула кулаком рябую, вырывающуюся из ее рук. – Видит лиса виноград, да ноги коротки...

– Испугалась, поджилки трясутся, – вздувалась массивная грудь Марфы от удовольствия, что нашла уязвимое место заносчивой соседки. – Кто-то теряет, а кто-то находит...

– Раскудахталась и сама не знает, о чем тараторит. – Или не видела, Катерина сама приходила к моему Спартаку. Ступайте, сватайте! Только не видеть вам ее, как собственных ушей. Уступаю, ну-ка – испробуйте!

Тут Мария явно дала маху, с лихвой переусердствовала, что самой совестно стало, и спазм, точно комок, перекрыл ей горло. Сын ее не просто так встречался с Катей: наивные увлечения с каждым разом перерастали в серьезные чувства. И, кто знает, может быть, уже этой осенью суждено бы и свадьбу справить. Только, видит бог, она, Мария, против брачного союза. Собственно, против девочки она ничего не имеет, Катя – прелесть, славная, может войти в душу и стать настоящей дочерью. И пусть избалованная и слишком современная, как нынешняя молодежь, сдерживает другое: уж больно много тетюшек и дядюшек ее окружают, и в каждом желании ей потворствуют. Особенно Кира преподобный, родной дядюшка девушки. Какой пример мог дать племяннице, дамский угодник. И при живой еще жене не упускал возможность за одной-другой молодкой приударить. Собрал вокруг себя людей покладистых, стянул с них солидные доли, чтобы наладить обувное производство, выкупил помещение зятя и расширил предприятие. У других деньги погорели, а этот – преуспел. Ушлый! Возглавил компанию. Как же – бизнесмен! На виду у всех. Уже за пятьдесят... как племенной бык, носится за молодыми женщинами, половой гигант. Бедняжка жена его сполна натерпелась, ушла, так и не смогла проучить кобеля...

– Что ты там под нос себе мурлычешь? – Марфа захрипела, дыша часто. – Говори уж громче. И видела неважно, и ноги, поди, не держали, как надо, а теперь и с ушами так...

– Тоже мне жених! – издевательски роняла Мария, не глядя на соседку. – Ни рыба, ни мясо. Пять лет поступает, да баллов не хватает. А где их взять, когда не дал всевышний! Мой сын за эти годы институт закончил! Возвращается домой, к матери и деду. С солидным дипломом. И никакая столичная фирма не смогла его удержать.

– И остался бы! Чего же... Все нынче туда намыливаются, а твой...

– Кто все? Эти?... Гастарбайтеры, штрейкбрехеры всякие...

– И будет здесь опалубку бетоном заливать. Вот те на! – хихикнула Марфа, нервно покашливая.

– Да ты хоть соображаешь, что такое инженер-строитель? – Марию перекосило от невежества соседки. – Это – сложные схемы, проекты! Кому я говорю, господи, боже мой! Столичный институт, а не периферия, понимаешь. Выстроит дворец и утрет всем нос...

На какое ухаживание осмелилась чванливая толстуха намекать, Марию от нетерпимого зла разрывало на части: как-то сынок Марфы, Ёсик-Колобок, подвез Катю домой с работы поздно вечером на своей иномарке, задержался у ее калитки минуту. И что же, повисла у него на шее девочка? Соседи разнесли треплю, а эта – планы строит!

Эх, милая! Ушло то время, когда ради денег выскакивали замуж абы за кого! Во все времена была, есть и будет главенствовать, и соединять сердца людей любовь! И никто Марию в этом не переубедит!

– Насмотришься на умников в телевизоре и тошно делается, – не уступала Марфа. – Как петухи, друг на друга набрасываются... – и это не улыбочивая, хмурая женщина вдруг громко рассмеялась, и что-то загудело в ее массивной груди, точно отдаленные раскаты грома.

– Вот бестолковая! – Мария придержала за ноги курицу. – Нашла с кем сравнивать моего сына, с депутатскими говорунами. Мой мальчик постоянно завоевывал первые места на олимпиадах по математике. А рисунки бывали даже на выставках. – На этого... все сильного Киру надеется, – тихо закипала Мария в тщетных попытках взять верх в споре.

– Юридический тебе не строительный. Кирпичи класть и заливать бетон! – Марфа нашла выход, как ужалить хвастливую соседку.

– Надо столько выучить законов. Ей богу, черт ногу ломает!

– Господи! Совсем погнала. А я голос свой рву, что-то доказываю... – Мария намеревалась уйти, но Марфа удержала:

– Что ты сказала?

– Каждый сверчок – знай свой шесток!

– И Кира моего сына опекает, как сына, не станет препятствовать... – Марфа подобралась с другой стороны, чтобы осадить соседку.

– У него он научится! – оборвала ее Мария. – Только совсем другому!

– Дима больше у Киры ночует, – о чем-то своем твердила Марфа, не расслышав Марию. – Да вот и Анна идет груженная. Легка на помине.

К месту сходки приближалась миловидная крупная женщина, румяная и вспотевшая, торопливо шагая, в руках у нее две увесистые сумки. И предстала перед соседками приветливой и слегка смущенной.

– Хоть и полно нынче в магазинах всего, но с рынка тащим по-прежнему, – оправдывалась Анна, показывая крупные белые зубы, широко улыбаясь. – И мясо, и овощи, да и фрукты – все самое свежее моим домочадцам подавай. А не какие-то залежавшиеся в магазине продукты. Мы, это самое, не были такими капризными.

– Мы знали почем фунт лиха, – пригладила курице голову Мария.

– Что это ты в обнимку с рябой? – Анна уложила у порога сумки и облегченно выдохнула, поправляя волнистые черные волосы.

– Сына твоего звала, но, видно, отсыпается после ночных бдений, – пояснила Мария. – Пусть моей курице голову отрежет. Ты же знаешь, мой свекор с причудами. Птицу зарежет – неделю мясо есть не станет.

– На работе Дима, – Анна протерла потный лоб. – Помощник он Киры теперь по коммерческим делам. Ну, вроде экспедитора, это самое...

– Так и скажи! – поправила Мария. – Будет развозить по магазинам обувь. Экспедитор...

– Говорите громче! – напомнила Марфа о себе. – Неужто опять на рынке заложили взрывчатку. Не сплю по ночам.

– Заладила... – сощурилась Мария.

– И на рынке открыли обувные магазины, – с верхотуры продолжала вещать Марфа, выставив перед собой, как указку, длинный мундштук с сигаретой. – Говорила моему Иосифу, чего же, сынок, на рынке бывать. Дел и на складе хватает. Порядок взялся наводить в торговле. Да кто оценит? Отец ушел раньше времени. И сына вовлек в коммерцию. Скорей бы поступил и стал бы ходить с портфелем...

Но женщины ее не слушали, увлеченные другим.

– Хорошо, что пошла раньше, – призналась Анна. – Я уже уходила, это самое, с рынка слышу, как сирена стала завывать. Все замерли от испуга. Что же это такое? По рупору объявляют: «Немедленно всем покинуть рынок! И убрать со стоянок транспорт!» Сбежала и забыла, это самое, купить кинзу...

– И меня кинза очень выручает от давления, – очевидно, уловила Марфа лишь последние слова.

– Мой сын терпеть ее не может! – отрубилась Мария, сделав кислое лицо. – И мы все, как по команде, не приняли и не употребляем ее.

– Не представляю, это самое, как можно готовить долму без кинзы?! У нас в семье без зелени не садятся за стол.

Анна, живущая по другую сторону от Марии, особа, как говорится, палец в рот не клади – откусит по локоть. Но и Мария не из робкого десятка. Умела за себя постоять:

– Зелень – любая, только не кинза! – насмешливо осудила она.

– Сын твой, Мария, привык, поди, в столице всякие крошки есть, – опять уколола соседку Марфа. – Отвык от нашей южной кухни.

– От материнской еды не отвыкнет, – резко огрызнулась Мария.

– И как умудряются заносить на базар бомбу? – Анна поправила каштановые волосы. – При входе уж так проверяют, меня просто всю облапали! Живого места не оставили. Стыдно и щекотно, это самое...

– Заносят взрывчатку молодые девки! – уведомила сверху Марфа. – А нас, странно, к чему проверять? Или мы похожи на террористок?!

– Анна женщина видная, есть что трогать! – воспользовалась Мария.

– У меня есть кому! – зарделась Анна. – Это ты больно капризная...

– Лучше быть одной, нежели с твоим братом! – Мария рассмеялась с показным вызовом. – За каждой юбкой гоняется, как племенной бык. И дурно влияет на племянников. Или тебя устраивает, или Матвея, отца? Дима твой перестал даже дома ночевать...

– Ма-а! – донесся голос со двора и тут же появился Дима в одних трусах. – Простите! Мое почтение всем! – жеманно откланялся он.

– А вот и коммерческий директор во всей своей красе! – насмешливо подчеркнула Мария.

– Почему ты не на работе? – почувствовала посрамленной себя Анна. – Перед тем, как идти на рынок, разбудила же сонливица. Кофе и завтрак приготовила, это самое... – разморгалась она, оправдываясь.

– Да что там делать с утра пораньше! – отмахнулся Дима, как от назойливой мухи. – Начальство, мама, задерживается, – куражился он.

– Юморист! – всплеснула руками с насмешливым одобрением Марфа и опасно прислонилась животом к металлической ограде балкона.

– Ступай домой, бесстыдник! – напустила на себя Анна строгости. – Совсем совесть потерял.

– Теть Мария, слышал, Спартакъ приезжает, – Дима задержался. – Зайду попозже. Мои поздравления и добрые пожелания.

– Сумки унеси! – указала на покупки Анна.

Он схватил ношу и удалился.

– Сын спит, а у матери от тяжести отваливается задница, – осудила Мария.

– Своя ноша, это самое, рук не тянет, – взяла сына под защиту Анна.

– Разбаловал племянников твой братец, Анна! – смело вступила в бой Мария. – Вилять, как другие, не могу и не стану. Развинтились так, что не собрать теперь ничем. Сын твой отслужил давным-давно. А толку? Господи! Что может сделать беспомощная российская армия, когда столько нянек вокруг?! И что это за солдат с мобильным телефоном и крупной суммой в кармане? Увольнения, бары, девочки! Когда же заниматься службой, военной техникой?! Не служба, а малина! А вы заглядываете в рот своему брату. Нет бы подумать о том, что станет с вашими детьми...

– Зачем же ты так? – пыталась укротить пыл Марии Анна.

– Всех пристроил. Катюше даже открыл рекламную студию. Ателье! – подчеркнула она. – Столько ухлопал денег! У Киры своих детей нет, так он в племянниках души не чает. Иные о своих не могут позаботиться. Вот и вынуждены учиться и работать. С мизерной пенсией что сможешь послать?! А в столице, это самое, такая дороговизна ужасная! И ты, и свекор твой без дела не сидите. Уже с раннего утра, смотрю, за верстаком сидит...

– Это мы-то не могли послать? – Мария снова огрела кулаком курицу по голове, чтобы не вырывалась из рук и не шумела. – Внуку шьет, а не на продажу! Ступай, посмотри, какие штиблеты ему сшил! Куколки! А не то, что шьет твой брат – бульдожь морды!

– Дойдут твои слова до ушей Киры – берегись! – пригрозила Аннита.

– Напугала до смерти, – фыркнула Мария.

– Да что же вы – буру-буру, а я ничего не слышу! – напомнила о себе сверху Марфа, но на нее по-прежнему возбудившиеся соседки не обращали внимания.

– Ох, и заплатишься за свой колючий язык! – по-доброму пригрозила Анна. – Вот выдаст Кира Катю замуж за Иосифа, кусать будешь локоть, если, это самое, достанешь...

– Испугала! – Мария прижала к себе курицу, будто ею защищалась. – Знаю, что замыслил твой брат, моя милая! Обезьяньими уловками меня ему не заполучить. Так ему и передай! Его проделки шиты черными нитками. Племянницей решил манипулировать, коммерсант...

– А Кира хотел предложить твоему сыну должность, – перевела разговор Анна, чтобы остудить пыл соседки. – Будут расширять производство – возглавил бы Спартак строительство...

– Что-о?! Неужто мой сын пойдет в шарашку? – закатила глаза Мария. – Откажет солидным фирмам ради бульдожьих морд, которые вы шьете?! Ни себя, ни сына я не отдам в его руки! Так и передай ему!

Анна чуть было не захлебнулась от возмущения: открыла широко рот, но ни слова сказать сразу не смогла.

– Ты, ты так о фирме моего брата?! – наконец обрела она дар речи.

– Сын мой знает иностранные языки, – не давала Мария опомниться соседке. – Учил даже шведский... Фирма им заинтересовалась, кое-какие готовил им работы. И платили валютой...

– И на каком, это самое, говорят шведы? – опешила Анна от такого неожиданного уведомления.

– Что ты этим хочешь сказать? Или у шведов нет своего языка? Если хочешь знать, это же самая развитая страна в Европе! – гневно роняла Мария, будто срамила Анну.

– Говорите же громче! Сын мой тоже был на рынке?

– Да! Отпугивал торгашей! – съязвила Мария. – А то... кто станет покупать бульдожьих морды взамен приличной обуви?!

– Что говоришь? – налегла на перила Марфа, вот-вот вниз нырнет.

– Купи же себе, наконец, наушники! – закатила к небу глаза Мария.

...Кто знает, чем бы кончилась необычная с утра дискуссия, если бы среди возбужденных женщин не оказался Григорий.

– Что это вы раскудахтались! – старик уставился на сноху. – И что ты носишься с курицей?

– Некому ей голову оторвать! – выпалила Мария с обидой.

– Дай сюда! – Он вырвал из рук ее курицу, бросил в проем открытой во двор калитки. – Полным-полно овощей, обойдемся и без мяса.

Курица прокричала голосисто о своем избавлении и, взмахивая крыльями, устремилась мимо клумб с пестрыми цветами.

2

Таксист с вызывающей фуражкой непонятного цвета и длинным козырьком сигналил долго и торжественно, останавливаясь у дома.

– Послушай, еще не свадьба! – черные усы Спартака затопорщились на смуглом улыбающемся лице.

– Сердцем чувствую – будет!

Таксист неожиданно построжел, уставившись на темнеющие вдаль «хрущёвки», и угрюмо произнес:

– Все еще стоят? Каждый раз, оказываясь в этих местах, вспоминаю, и щемит душу. Когда-то и мне довелось пожить в хрущёбах. Слава богу, подзаработал и купил себе приличное жильё.

– Недолго им еще стоять! – Спартак выпрямил спину. – Свалю эти жалкие постройки. Отслужили они свой век. На их месте построю культурный центр. Привез с собой проект...

– В добрый час! И, как условились, – на свадьбе твоей просигналю на всю катушку! – И он надавил на сигнал.

Со двора донесся женский крик:

– Спартак! Мальчик мой! Лечу, золотой мой! – У Марии, как назло, спал чужак, она цепляла его большим пальцем ноги и волокла, но он снова спал, и она продолжала кричать и нервничать. – Сейчас, сейчас. Приехал, мое солнышко! Сынок мой ненаглядный. Отец! Скорей! Спартак приехал! Спартак! Проклятый чужак!

Вконец измученная, она бросила чужак посреди двора.

Обнялись и расцеловались тут же у машины. Таксист добродушно улыбался, всем своим видом подчеркивая, что спешить ему некуда и незачем, когда такая радостная ситуация – пусть мать и сын вдоволь нарадуются. Помог потом занести вещи во двор.

И машина отъехала.

– Ты ли это, сынок? – с тревожной нежностью рассматривала сына Мария, придерживая его за руку. – Похудел-то – кожа да кости.

Подчеркивали худобу черные волосы, непривычно отпущенные им, да подковой торчащие усы.

– Все нормально, мама. Живой, невредимый прибыл в твои объятия!

– Похудел или мне кажется?

– Все нормально, мама!

– Нелегко достаются дипломы, – глубокомысленно изрекла Мария. – А наши соседи думают – ты там прохлаждался, как на курорте. Да где им понять, боже мой! В пятый раз будет поступать! – покосилась она на соседний дом. – Вот и равняет мамаша всех по своему куриному уровню. Верно говорит твой дедушка: чем глупее человек, тем больше в нем спеси...

– Простим им великодушно, – улыбнулся Спартак и обнял мать за плечи.

– Что такое ты говоришь! – вырвалась вперед Мария, нарочито сокрушаясь, и подняла руки вверх, будто обращалась к всевышнему.

– Ты еще не знаешь, что тебя здесь ждет! Этот Кира, да и весь его род на все способен от зависти. Послушал бы их. Что только не говорят.

– Успокойся, мама. Не так страшен черт, как его малюют.

– Не шути, детка! Этот Кира – настоящий паук! – нагоняла на сына страх Мария, кружась вокруг него. – Скажи, у шведов есть язык? – строго спросила она, становясь перед ним, как вкопанная.

– Ну, а как же! – хмыкнул он, удивленный. – Как у тебя и у меня.

– Хочу сказать, на каком языке говорят шведы? – уточнила она.

– На своем, верно? Богатый, образованный народ, верно? Несмотря на то, что живут на Севере, среди холодов, очень высокий уровень жизни...

– Все верно, мама. Но зачем тебе все это? Увлелась политикой?

– Глаза им колит, что ты знаешь много языков! – фыркнула она.

– Буквально все принимают в штыки. Такая серость, господи, боже мой! Как я прожила с ними столько лет? Отупеть можно. Только деньги могут считать. Да пить и есть...

– Мама, ты меня любишь?

– Кого ж мне еще любить, сердечко мое! – Мария подобрала ногой брошенный чужак, на сей раз он поддался ей легко. – Еще помнишь, как в детстве? Нашкодишь, чертеночек, а потом, чтоб не ругала, – приставал: ты меня любишь? Баловал тебя дедушка. И отец, и я, чего греха таить. Один ты у нас – свет в окне, – глаза ее, полные умиления, прослезилась. Но она взяла

себя в руки. – Ты хорошо питался? Дай-ка погляжу на тебя хорошенько. Что-то никак не могу разглядеть тебя, детка...

– Ну, ну, не волнуйся... – он наклонился и поцеловал мать.

– Такое питание я тебе подготовлю... Представляешь, некому было отрезать курице голову! А дедушка твой, ты же знаешь, как ребенок...

Григорий шел им навстречу. Чопорный, торжественный, казалось, встречал именитого гостя с ценным подношением: нес внуку только что оконченную пару черных лаковых штиблет. Старик остановился на почтительном расстоянии, приготовился к выступлению, прежде чем вручить внуку подарок. Сколько трудов стоило ему сдержаться, не броситься в объятия внука, не расцеловать, как обычно в таких случаях! Но он так задумал встретить Спартака.

Глядя на свекра, Мария чуть не расплакалась, лицо ее в этот миг выражало неподдельное страдание. И она набрала полную грудь воздуха в ожидании речи.

И Спартак застыл на месте, подавив улыбку.

Дрогнул подбородок старика.

– Тысячу пар других сносить тебе вслед за этой, птенчик мой золотой... – Григорий смолк: чувство взяло вверх – он обнял внука, расцеловал и прижался к его груди.

Мария смела со щек пальцами скатившиеся слезы и, глядя в сторону соседнего дома, сказала:

– Не то, что бульдожьбы морды. Куколки, а не штиблеты!

3

В парке у озера, в живописном месте, проходил показ мод. Шорты и бикини сменили купальные костюмы, и на полуобнаженные стройные девичьи фигуры засматривались не только мужчины, но и женщины. Особенно выделялись две юные красотки, грациозно движущиеся друг за другом на помосте.

У Кати – милое овальное лицо, открытое и одухотворенное. Густые светлые волосы, собранные в конский хвост, плавно развевались над шелковисто белоснежной спиной. Рита, ее подруга, предпочитала короткую стрижку: волнистые, слегка позолоченные кудри, обрамляли аккуратную голову и прикрывали чуть продолговатое личико, на котором лежал трепетный подрумяненный загар. В отличие от сдержанной Кати ее не покидала вызывающая очаровательная улыбка.

Неисправимая зачинщица Рита уже при встрече с Катей обратила внимание на ее внешний вид: неудержимо вырывался наружу ее радостный настрой; излучали внутренний подъем крупные серые глаза. И, уединившись в раздевалке, поспешила заметить по секрету:

– У тебя все написано на лице! Говори же, чего же молчишь! – приставала Рита, повышая пронзительный голос. – Так что не пытайся скрыть. Прибыл?

– Тихо. Поговорим еще...

Катя зажмурилась от звонкого шепота подруги и не стала в суতোлке распространяться: одним словом не объяснить того, что у нее на душе. А девчонкам только дай повод посудачить: окружают, закроют вопросами. Вон как наострили уши, несмотря на занятость...

– Даже походка изменилась, – подстрекательски явствовала Рита, пытаясь использовать каждую возможность, чтобы поддеть.

– Вот тихушница...

– Перестань! – отбивалась Катя.

– Ты его видела?

– Нет еще. Когда бы?

– Почему? – приставала Рита.

– Попозже.

...По окончании показа Рита возобновила натиск:

– Смотри, девочка моя! Сегодня не упусти...

– С корабля на бал?! – покраснела Катя. – Скажешь...

– Бери быка за рога! – Рита вовсе повела себя вероломно.

– От меня это зависит? – всячески защищалась Катя.

– Время такое. Жизнь нас заставляет, – напирала Рита, – брать в свои руки инициативу.

Сейчас самый подходящий момент...

– Момент, может быть. Только я... – окончательно оробевшая Катя увела глаза от подруги.

– Ну что же ты так, нерешительная моя глупышка? – перешла Рита на усыпляющий ласковый тон. – Любите друг друга. Разве важно, кто сделает первый шаг? Чуть-чуть изобретательности, женской тактики. А то, смотри, мужчины не приучены, как мы, долго воздерживаться, – провоцировала она. – Лихо переключится Спартак на другую, парень он видный. Охмурит его более прыткая, пока ты будешь охать и ахать, когда он созреет на подвиг. Вспомни Диму, своего двоюродного брата, когда он был в армии! Не мог дождаться субботы! Норовил и в часть меня увести... И дядюшка твой может заманит тебя в сети, как доверчивую рыбешку...

– Чему быть, того не миновать, – о чем-то своем думала Катя.

– Что это ты вспомнила о моем дяде? – дошло вдруг до нее.

– Ну, вот еще! Я тут из кожи лезу вон, чтобы вразумить тебя, а ты в облаках витаешь.

Или ждешь, чтобы всемогущий Кира подобрал тебе суженного? – Рита не прекращала натиск.

– Какие глупости ты говоришь! – Катя не стала уточнять.

– И не такая уж я и покладистая, какой кажусь. Могу и оцетиниться. И пойти против всех...

– Не зарывайся, кукла моя! – Рита, казалось, науськивала подругу. – Даже Дима, прыткий смельчак и любимчик Киры, и тот не может пойти против воли его светлости. Куда уж нам, слабому полу!

– Или не знаешь, в тихом болоте – черти водятся?!

4

Светился огнями у реки ресторан «Савва». В субботне-воскресные вечера здесь всегда многолюдно, шумно, весело. Одна мелодия сменялась другой. Трое музыкантов охотно играли без перерыва.

Зеленая беседка, обвитая мелкими декоративными цветами, самое любимое место Киры и его друзей-компаньонов: Матвея, Александра. И много моложе их Иосифа. Сегодня имел честь с ними восседать и Дима. Впрочем, напросился с определенной целью, чтобы взять у дядьки новенький «Мерседес». Отцу не понравилось присутствие сына, но, как всегда и во всем, последнее слово за Кирой.

Должен был подойти еще и Андрей, если, конечно, быстро освободится от своих полицейских обязанностей. Разные и годами, и внешностью, и характером; общие – цели: поднять обувное производство и заработать побольше денег.

– Зелень, река, свежий воздух! Райское место! Что еще нужно простому человеку, умеющему хорошо поработать и славно посидеть с близкими друзьями, компаньонами! – слова Киры прозвучали гимном.

Друзья уважали его за солидную внешность и мудрость: в здоровом теле, говорили, здоровый дух. Почитали, как старшего в семье, как авторитетного отца, которого любят, но и побаиваются. Он был моложе Матвея, зятя своего, но старше Александра. Когда он говорил, смотрели на него с изумлением, оценивая каждое его слово с живым интересом. Дима, самый

молодой среди них, – заглядывал ему в рот с благоговением. Родной дядя, материн любимый брат.

В центре продолговатого стола были водружены глубокие округлые ёмкости, переполненные салатом из крупно нарезанных овощей. Кира переложил себе в тарелку всего понемногу, посыпал солью, и принялся есть. Остальные последовали его примеру, и беседка на некоторое время наполнилась дружным хрустом.

– Ну, мои хорошие, что бы такого нам еще заказать? – возвестил бархатным баритоном Кира, и хруст за столом неожиданно стих.

– Для начала возьмем севрюги. Ассортимент теперь у нас самый изысканный и разнообразный. Рыбка откроет нам аппетит!

– Фосфор! – приложил палец к седому виску Александр, долговязый мужчина с орлиным носом и острыми глазами.

– Будем светиться, как фары, э! – попытался было состричь Матвей.

– Мозги, дорогой Матвей! – поправил его Александр.

– И не только мозги, дорогой Александр, – сделал замечание Кира. – Морские дары способствуют мужской силе! – подчеркнул он. – Ешьте больше и все женщины будут трепетать! Э-э-эх!

– Да вы что! – вскрикнул Дима. – А какие именно, дядя?

– Э-э! С отцом сидишь! – пригрозил сыну Матвей.

– Пусть резвится наш мальчик пока молодой, – поддержал его Кира.

– Слишком резвый, – напустил на себя строгости Матвей.

– Стал как мартовский кот...

– И блондинки, и брюнетки – все подряд! – оживился Александр.

– По-твоему женщины живность? – скептически заметил Матвей, маленький, с большим носом и небольшим брюшком немолодой мужчина со стальными волосами от обильной проседи.

– Любые, я хотел сказать. Верно, Кира? – изворачивался Александр.

– По этому поводу есть анекдот, – загадочно начал Кира улыбаясь. – В одной приятной компании произносит мужчина тост. Выпьем, говорит, за рыбу и воду. Что я этим хочу сказать? Рыба – это женщина, вода – это мужчина. Рыба не может жить без воды, как женщина без мужчины. Одна особа делает замечание тамаде. Простите, говорит она, я вот десять лет живу без мужчины и ничего. Простите, отвечает он, я не имел в виду копченную рыбу...

– Все-таки интересно... – робко вмешался в разговор Иосиф, пробиваясь сквозь громкий смех за столом, и задвигал мощными плечами так, что белая рубашка, казалось, вот-вот разойдется по швам.

Небольшая голова Иосифа не соответствовала его габаритам: ранний живот, и лицо по-девичьи нежное, с припухшими розовыми губами, делали достаточно повзрослевшего парня каким-то кукольным, не по-мужски слащавым. Коротко стриженные волосы и чубчик, вздернутый набок, как рожек бодливого бычка, и высокий голос все это никак не подходило к его массивному телосложению.

– Что именно? – наклонил в его сторону голову Кира.

– С едой у меня все хорошо, – румянец на щеках Иосифа стал погуще. – А как с подходом?.. К женщине нужен особый подход...

– Надо скидывать вес, дорогой Иосиф! – сердито посоветовал Матвей. – Еще нет тридцати, а уже такой вздобреший... – невольно вырвалось у него, будто подражал своей бесцеремонной жене, и смолк, не вникая в потаенные думы повзрослевшего парня.

– Всему свой час, мой мальчик, – понимающе обнадежил Иосифа Кира, сразу же уловив, что беспокоит юного компаньона. – Что закажем на горячее? – перешел он к делу. – Какие будут предложения относительно сегодняшнего меню?

– Что мы в думе, открываем депутатские слушанья!? – вмешался Матвей. – Как скажет Кира, так и будет! – он бросил горделивый взгляд на остальных.

– Матвей, дорогой, – поднял правую черную бровь Кира, – почему как скажу я? Есть и другие. Обсудим, если надо, мы не на планерке у нас на фирме. Одна голова хорошо, а две – лучше.

– Не в том смысле, как скажешь ты, дорогой Кира, – лицо Матвея тотчас покрылось румянцем и морщинами. – Говорю в том смысле, что ты понимаешь, как лучше.

– Матвей прав, – поддержал Александр. – Ты и кулинарию знаешь, как обувное дело. У тебя тонкий вкус.

– Уговорили! Пусть будет по-вашему, – Кира поднял руки.

– Зовите хозяина.

Дима, придерживав Иосифа, бросился на кухню, громко крича:

– Савва! Савва! Кира зовет!

Савва – маленький, сгорбленный хозяин ресторана – не шел, а летел, быстро перебирая ноги, направив вперед облысевшую голову. Ворвался в беседку в фартуке.

– Я – весь внимание! Приказывай, дорогой Кира!

– Мы тут тихо-мирно еще кое-что надумали, ты уж нас прости, дорогой, – Кира погладил пышные усы.

– Заказывайте все, что есть на белом свете! – огласил самозабвенно Савва. – Дорогим гостям ничего не жалко. Пейте, кушайте, веселитесь! Все, что есть – на этом свете, на том – ничего нету!

Савва принял заказ и удалился поспешно.

– Воспользуемся добрым советом нашего друга и кудесника, – продолжил трапезу Кира, наполняя беседку густым баритонным звоном. – Выпьем и закусим, что нам послал всевышний. Приятно бывать с вами, а еще приятнее сидеть за одним обильным столом. Думаю, эту добрую нашу традицию ничто не нарушит. Самый скромный стол пусть будет таким. Да не пристанет к нашей гавани никакая зараза. Что я этим хочу сказать? За успехи нашей фирмы, за наши личные, без которых, сами понимаете, просто нельзя. Да не потревожат нас ни внешние, ни какие другие бури. Пусть будет так, как есть. Хуже – пусть не будет.

– Хуже – пусть не будет, – повторил Александр, сосредоточив все свое внимание на стакане с крепким напитком. Он тихо цедил белую жидкость и с чувством выдохнул, выпив до конца. – Хорошо пошла!

– Ага! Пошла, как по маслу, – выставил губы Иосиф и склонился над своей тарелкой, чтобы поскорей заесть.

Матвей раздумывал, морщился перед тем, как выпить, каждый раз проделывая одну и ту же мучительную для него процедуру; затем закрыл глаза и торопливо выпил.

Савва принес шашлык из осетрины.

– А вот и дары моря! – расширил ноздри Александр. – Специально для нас?

– А как же! – воскликнул Савва. – Дорогим гостям найдем всегда. Достанем из глубины моря, из-под земли, отыщем на Марсе, на Венере заберемся!

– Это хорошо! – заерзал на стуле Дима. – И Каспий рядом...

– Поэт! – Александр хлопнул Савву в ладони, как артисту; его толстая нижняя губа отвисла, и он чем-то стал похож в профиль на верблюда.

Кира задержал хозяина ресторана, дал ему рюмку в руки.

– Дорогой Савва, – обратился он с почтением, – к тебе приезжают отовсюду. К плохому не придут. Что я этим хочу сказать? Мы тебя знаем всю свою жизнь. Плохого забудут на второй день.

– Хорошее у тебя сердце, дорогой Кира, – растроганный хозяин вытер платком со лба пот. – Если ты уважаешь людей, то и к тебе относятся с почтением и любовью. Этим богат наш народ, чуткий и душевный.

– Был на западе артист, – Кира имел привычку обращаться за примерами к выдающимся личностям прошлого. – Чаплин его фамилия. Все его помнят, несмотря на то, что прошло так много лет. Фильм был. Он танцует с курицей на подносе в знаменитом ресторане. Что я этим хочу сказать? Этот самый Чаплин на нашего Савву похож.

Матвей потянул Киру за руку. И когда тот наклонился, шепнул ему на ухо с укором:

– Не надо так. Савва может обидеться.

– И вам тоже желаю от всей души... – Савва выпил только половину и виновато опустил стакан на край стола. Он приложил ладонь к груди, поблагодарив клиентов, и не стал более задерживаться.

– Что-то задерживается Андрей, – нарушил молчание Матвей. – Стал опаздывать...

– Служба у него такая! – подчеркнул Александр. – Так вдруг беспокойно стало. Понаехали и к нам, становится и у нас как-то опасно...

– А я вот тоже – решил попробовать... – Иосиф тревожно осмотрелся, не поднимут ли его на смех. – Может быть, уже в последний раз...

– Нашел, куда поступать, – брезгливо заметил Дима. – Иди в педагоги. Будешь учить детей доброте, слушаться родителей, старших почитать.

– Не-е... – рассмеялся Иосиф. – Адвокат так хорошо защищал папу... Я поклялся, вырасту – буду поступать на юридический. Стану защищать людей...

– Молодец! Не то, что мой! – одобрил Матвей и сердито покосился на сына. – У людей дипломы, а он – гоняется...

– Запишут в красную книгу, – усмехнулся Дима, не давая отцу договорить. – Установит мировой рекорд. Уже пятый год подряд будет поступать...

– Прикуси язык! – пристыдил сына Матвей. – Ты даже не стараешься!

– Может, пойду, – не сиделось Диме. – Свидание у меня.

– Видать, уже подействовали дары моря! – пошутил Александр.

– После шашлыка, детка, – посоветовал Кира. – Чтобы силы были.

И словно по его велению появился Савва, возвещая:

– А вот и наше фирменное блюдо! – Он водрузил в центре стола продолговатую тарелку с нанизанными на шампуры румяные куски мяса, засыпанные кругами лука и залитые уксусом. Аромат заполнил беседку.

– Такой шашлык не приготовят на всем Северном Кавказе! – заявил Кира, и Савва готовно взял со стола свой недопитый стакан.

– Твое здоровье! – дружно пожелали ему и стали с ним чекаться.

Савва выпил и поспешил на кухню. А вместо него вошел в беседку, склоняя голову, Андрей в свежей полицейской форме.

– А вот пожаловал гроза Центрального рынка! – Дима поднялся из-за стола, чтобы попытаться сбежать, воспользовавшись появлением еще одного дальнего родственника.

– Прекрати глупые придирки! – набросился на сына Матвей.

– Что там было, дорогой Андрей?

– Ложная тревога, – Андрей сел за стол рядом с Матвеем.

– Кому-то это было на руку. Хотят, наверно, чтобы вы закрыли ларьки на рынке. Конкуренция. Раньше взрывали ларьки, козни чинили...

– Пугают людей? – построжел Кира. – Головы бы им оторвать...

– При виде Андрея террористы наклали в штаны! – Дима не сдвинулся.

– Ты стал невыносимым, сынок, – Матвей не знал, как выпроводить сына и умоляюще смотрел на шурина.

– Пусть поговорит, – великодушно заметил Андрей. – Как-нибудь попадет ко мне в отделение. Покажу ему, где раки зимуют.

– Рассмешил! – Дима глянул на дядьку.

– От суммы и от тюрьмы нет гарантий! – Александр стянул с шампура вилкой себе в тарелку несколько кусков мяса.

– Ударь по дереву! – насторожился Матвей. – Не приведи, господь!

– Кто-то специально мутит, – заключил Кира, откусывая мясо прямо с шампура. – Но куда денутся! Установим, откуда ветер дует?

– С Запада! – Александр прекратил на миг жевать. – Как подует, так к дождю.

– Создают у нас, на юге, взрывоопасную ситуацию, – продолжал Кира грозно. – Кавказ во все времена оставался многонациональным краем. И пусть не пытаются недобитые террористы нарушить наши святые непоколебимые традиции! Крепко поплатятся! Мы жили и будем жить дружной и нерушимой семьей. Их номер не пройдет!

– Их номер не пройдет! – подхватил как припев Александр, направив горячие глаза поверх зеленой беседки, где могли бы притаиться злоумышленники.

– Конечно, не пройдет! – горячо поддержал Иосиф.

– Сколько веревочке не виться – конец будет, – глубокомысленно выделил Матвей, все еще не приступая к шашлыку.

– Пока Андрей с нами, нам не страшен серый волк! – еще раз уколол соседа Дима. Его думы были не о еде, а как бы сбежать поскорей.

– Может, перестанешь трепать языком! – вышел из терпения Матвей и уставился на шурина бесстрашно. – Что ты держишь его тут? Или не видишь, как будто шило у него в заднице! Только одно у него на уме...

– Хорошо! На, держи, сынок! – Кира достал из кармана ключи с красивым брелком и передал племяннику. – Обещал сделать подарок – твоя теперь тачка. Бери!

– Спасибо, дядя! – Дима подпрыгнул на месте от радости и подлетел к Кире, смачно целуя его в щеку. – Прокачусь с ветерком! – и сбежал.

– Не очень разгоняйся! – бросил ему вслед Матвей и, глядя на шурина осуждающе, покачал головой. – В голове у него еще ветер. А мы жалуемся, откуда берутся шалопаи...

– Один раз живем! – оборвал зятя Кира и повернулся к Андрею.

– Выпей, закуси. Мы тоже только начали...

– Не-е, сегодня пить не буду. Мне еще на службу, – Андрей тоже стал есть с шампура, как Кира. – Шашлык, что надо.

– Попробуй сначала дары моря... – предложил Александр, но тут же раздумал развивать мысль, перехватив строгий взгляд шефа фирмы.

Ели далее молча, с аппетитом. Шумно дышали носами, Андрей от удовольствия даже воодушевленно покрякивал.

– Говорят, Спартак приехал. Чертежи привез – полный чемодан. И такие, и вот такие... Что он будет делать с этими чертежами? Менять всю нашу местность, э? – надо же было Матвеем заговорить о том, чего не следовало, как будто кто-то за язык его тянул.

– Свалит, наконец, «хрущёвки»! – дурашливо изрек Александр.

– Построят коттеджи. А то торчат, как бельмо на глазу! Скоро и у нас, на Юге, будет своя Рублевка!

Кира не разделил восторга:

– Неуместно шутишь, Александр! – Кира давно положил глаз на эту территорию. – Или забыли? Будем расширять производство. Построим фабрику. Каждая семья получит красивые туфли, а мы – свой хаир – дивиденды! Что я этим хочу сказать? – он привлек к себе внимание и горделиво приподнял крутой подбородок. – Из маленькой в прошлом артели создадим солидное современное предприятие! И мэр города будет на моей стороне. Обмолвился с ним

в тесной беседе. Один древний философ метко подчеркнул: мол, нужно начинать с риска, а дальше – поможет удача. На нашей будет стороне!

– Кто не рискует, тот шашлык не кушает, – вывернулся Александр.

– Под лежащий камень вода не течет, – поправил его Кира.

– Именно это я хотел сказать, дорогой Кира, – быстро согласился с ним Александр. – Это будет событие века! Если взялся наш Кира!

– Мой покойный папа всегда говорил... – взволнованно заговорил Иосиф. – У нашего Киры светлая голова. За что не возьмется... папа не бросал слова на ветер... – расчувствовался парень и глаза наполнились слезами.

Все притихли, словно решили почтить минутой молчания отца парня. Кире вспомнились не такие уж и далекие события, которые потрясли многих. Накануне денежного обвала девяносто восьмого года Кира, словно спинным мозгом, чувствовал надвигающиеся страшные события, поспешил выкупить небольшое старое помещение, которое долгое время занимал зять. Отремонтировал, расширив площадь за счет земельного участка. Приобрел оборудование в весьма еще хорошем состоянии, которое сплавляли за бесценок начальнички обанкротившейся обувной артели. И после небольшого ремонта наладил производство.

«Дорогой Кира, как ты мог такое предвидеть? – опешил отец Иосифа, вложивший весомую долю в компанию. – Мы бы потеряли все наши сбережения, а ты – спас капитал наш, – вот он, в недвижимости...»

«Или первый раз нас грабят, – усмехнулся Кира, – всякие правительственные экспериментаторы?! Советская власть ушла, а дело ее еще живет! – вошел он в раж. – Нужно иметь в кармане на прожиточный минимум и надежную работу. Тогда мы гарантированы постоянным доходом. Что я этим хочу сказать? Производство у нас стоящее. Босиком люди ходить не будут!»

«Святые слова, Кира! Вся надежда на тебя, друг. Если что – позаботься о моем сыне...»

Папаша Иосифа умел делать деньги, был заготовителем фруктов – деньги сыпались в карман. После тюрьмы – сдал. Кире вспомнился и последний разговор с ним в больнице.

«Как ты с новым?» – тихо спросил он.

«С нашим мэром?» – сообразил Кира. – Нашел к нему подход».

«Надолго он, как ты думаешь?»

«Этот надолго. Бульдोजья хватка!»

– Выпьем за хороших друзей! – предложил тост Александр, разряжая грустную ситуацию.

– За традиции! – воспрянул Иосиф, довольный тем, что за столом оживились. – Чтобы всегда было, как сейчас. Хуже – пусть не будет...

– Обуем не только наш Юг, но двинемся на Север России! Босиком люди ходить не будут! – заверил Кира своих компаньонов, развивая свою мысль. – Что я этим хочу сказать? Отправимся, как великие мореплаватели, даже к заграничным берегам! Не всегда нам оттуда привозить. И мы не лыком шиты!

– У меня по телу пробежали мурашки, друзья! – заерзал на скамейке Александр. – Может быть, перестанут нас в столице обзывать лицами кавказской национальности. Как будто мы все похожи друг на друга и у нас нет имени. Утрем нос и итальянским обувщикам. Верно, Кира?

– Покажем им кузькину мать! – гаркнул Кира.

– Как будто у наших мастеров руки пришиты наизнанку! – жалобно изрек Александр. – Мы уже не те, что были раньше, пока ты не взял в свои руки руководство, дорогой Кира. Что было? Как будто вокруг были одни попрошайки. Тому – дай, этому – дай. Помните при сказку о сороке? Тому – дала, этому – дала. Поди, разберись, кто варил, а кто не варил кашу. Выкручивался, кто как мог. Уходил бывало из дому и не знал – вернусь. Или увезет «черный ворон» в наручниках. Ужас! Как только не обзывали! «Несунами», «мешочниками», «челноч-

никами»... Что мы могли натрговать тогда? Это сейчас у нас свободный рынок. Верно говорю, дорогой Матвей? Что-то ты совсем ушел в себя...

– Вот и я говорю, если будем строить фабрику, в самый раз пригласить к нам Спартака, – робко заметил Матвей, стрельнув в шурина серыми глазами.

Иосиф потерял интерес к шашлыку. Продолжал держать шампур, оголившийся от мяса, как рапиру. Лицо его покрылось багровыми пятнами, как жечь ржавчиной.

– Мать его хвалилась, мол, останется в Москве, – сказал он.

– Вроде бы интересовались им иностранные фирмы. Все рвутся в столицу. А он зачем вернулся?

– Везде хорошо, а дома, как не крути и не верти задом, лучше.

– Кира приподнял грозно правую бровь и наклонился к Иосифу. – Да ты ешь, сынок. И ты, Андрюша, что-то сегодня не тот. И тебя не оставим без внимания, неси исправно службу. Этих пугальщиков рано или поздно мы все равно общими усилиями отловим. Не таких еще скручивали в бараний рог!

– И всех отправят к белым медведям! – заискивал Александр.

– Сколько понадобится денег на такое строительство?! – вопрошал Матвей, и все тревожно уставились на Киру.

– Говорю же вам – заинтересовал мэра, – решительно изрек Кира. – Даст заем с хорошими процентами. Человек он... хваткий, с большими связями. К губернатору вхож. Главное, выколотить побольше суммы под важный объект...

– Что бы мы делали без тебя, Кира! – Александр схватил бутылку со стола и стал разливать всем. – Еще по одной в самый раз!

– Выпил бы и я... но надо идти на службу, – сожалел Андрей.

– Мальчишка вырос на моих глазах, – напомнил Матвей о том, что больше всего его занимало. – Ходил в одну и ту же школу с моим сыном. Он – инженер, архитектор, а мой?.. Ни мед, ни воск...

– Ну и что? – вспыхнул Кира. – И мы, и наши дети не потерялись в этом мире! Живем, не хуже других и здравствуем!

– С малых лет, понимаешь, на производстве. Дом – работа, работа – дом. А единственного сына не смог поставить на истинный путь, – тарачил на шурина упрямо глаза Матвей. – А Спартак получил образование без отца и нянек...

– Куда ты клонишь?! – рассердился Кира. – Институт, книжки – это еще не все! Как поведет себя дальше?! На практике!

– Бог даст...

– Бог ничего не даст! – оборвал зятя Кира, выведенный из терпения. – Своими руками нужно чесаться!

– Хотел сказать, – упрямылся Матвей, пытаясь закончить свою мысль, – бог даст, может, породнимся. И Катя наша...

– Не нарывайся на грубость! – снова оборвал Кира, вставая.

– Не дам согласие – пусть его мамочка завяляет задницей. Ишь, разборчивая! Прочучу, будет знать, с кем дело имеет. – Он строго глянул на Александра. – А ты что перестал есть? Наливай! Выпьем еще по стопке.

– Я наливаю, но... – Александр потупился.

– Что «но»? Мы зачем сюда пришли? – нагонял страх Кира.

– Еда, говорят, до хорошего не доведет, Кира, – Александр глянул на Матвея, который ограничивал себя в еде и питье.

– Вот ты сказал о древнем философе, – решил пояснить Матвей.

– И я приведу пример. Вилкой и ножом, говорил он, мы роим себе могилу. Еще говорил, что надо есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть и есть... Чтобы не передали – медики

придумали кольцо. Одевают на желудок и все! Шунтированием называют. Поел чуть-чуть, а дальше – стоп!..

– Это кольцо не мешает одеть тебе на язык! – Кира продолжал грозно возвышаться над столом. – Чтобы не болтал лишнего.

– От земли оторвались, а до неба не дотянули, – сопротивлялся угрюмо Матвей. – Вот и болтаемся между небом и землей. Вольница! От большого света ослепли...

– Смотрите на него! – навис над зятем Кира. – Ну что ты бурчишь, как свекор?!

– Похерили советскую власть, а замену не подготовили, – Матвей не унимался, – блуждаем в потемках, как котятка. Свободный рынок! От кого он свободный и для кого?! Завязали руки даже органам...

– Бросаешь слова на ветер!

– Собака лает, караван идет! – попытался внести игривый настрой в беседу Александр, но шутка не вышла.

– Все было в руках государства, – решительнее наступал Матвей. – И что же? За сутки все оказалось частным. Как? Когда? Кто дал право?!

– Ужас! – вскрикнул Александр.

– У кого была на плечах голова, тот быстро пошел в горы! – жарко отстаивал свою точку зрения Кира.

– Выпотрошили государственное имущество, – не сдавался Матвей. – Хапали, кто как мог!

– С чего-то нужно было начинать! Свое брали... – пояснил всем Кира.

– Но кому-то достался шиш...

– А станки у кого мы взяли? – глянул в глаза зятю Кира.

– Мы за них заплатили! – сопротивлялся Матвей.

– Сколько? – припирал зять Кира. – И полцены не дали. Что было в году семнадцатом? Революция. Сколько погибло людей? Миллионы. А сейчас? Что я этим хочу сказать? Провели самую мирную, бескровную революцию! А ты сидишь и языком... Буру-буру!

– А нужна ли была нам такая революция? – не уступал Матвей. – Кто ее сделал? Народ? Или она было кому-то на руку?!

– Фу ты! – шумно выдохнул Кира. – Ты просто невыносим! Хоть бы раз сказал – слава богу! Твой шурин вытащил тебя из серой жизни. Из мелкого кустаря сделал бизнесмена.

– Зачем же ты так, дорогой Матвей? – мягко упрекнул Александр. – Лично я по гроб буду обязан Кире...

– Можно мне сказать? – напросился Иосиф, глядя на Киру. – У меня нет опыта говорить тосты. Но скажу от всей души. Мой папа перед смертью наказал. Помни, говорил, сынок, все самое лучшее ты сможешь взять только у Киры. А мы так легко забываем, не ценим хорошее. Дорогой наш Кира! – у парня от крепкого напитка расширились глаза, заблестели, заискрились, он никогда много не говорил, а тут – вдруг прорвало. – У тебя все здорово получается, за что не возьмешься. И мы рядом с тобой что-то можем и что-то стоим. Постройшь обувную фабрику, станешь генеральным директором. И дальше за собой и нас поведешь. Большому кораблю, говорят, – большое плавание!

– Как здорово сказал! – опешив, схватил со стола свой стакан Александр. – Твоя школа, Кира! Выпьем за нашего шефа! С тобой мы увидим настоящий свет! С тобой нам не страшны ни внутренние, ни внешние бури...

– Спасибо! Спасибо, мои дорогие друзья-компаньоны! – засмутился Кира, пряча довольную улыбку под пышными усами. – Отец твой, кстати, первым предложил, – напомнил он Иосифу. – Возьми, сказал он, долю за сына и начинай смело! И мы, как вам известно, не в убытке оказались...

Иосиф схватил со стола бутылку, вдохновленный словами Киры, налил всем и себе и потянулся к Андрею, чтобы чокнуться. Но выпить не дал тому Матвей:

– Не пей! Тебе идти на службу...

– Одну рюмку можно, – взял под защиту Андрея Кира.

– Стоит один раз нарушить – потом потеряет доверие коллектива, – стоял на своем Матвей.

– А пригубить можно? – спросил Андрей.

– Только пригубить, – хмуро согласился Матвей, и сам пить не стал, точно из солидарности, а лишь прикоснулся губами к стакану.

– Мой зять прямо на глазах от рук отбивается! – шутливым тоном прокомментировал Кира. – Ладно, поменяем пластинку! – великодушно улаживал он. – Где Савва? Сидим тут как замороженные.

– Савва! Савва!

Хозяин ресторана появился мгновенно.

– Я – здесь! Весь – внимание!

– Веселиться пришли, а не на поминки! – щедро улыбнулся Кира. – И поменяй эту музыку. Будем танцевать. Давай нашу! Чтоб земля пылала под ногами!

– Лечу, мои дорогие!

Кира вышел на вымощенный плитками круг перед музыкантами, распротер руки, словно намеревался взлететь и, чем-то похожий на коршуна небывалой величины, закружился в танце.

– Асса!

– Ас-са!

Компаньоны громко хлопали ему в ладоши.

– Мы, южане, умеем веселиться, – обратился к Матвею Александр. – Этого у нас не отнять.

– А нашим Кирой просто зачаруешься! – добавил Андрей.

– Ну, а ты, чего ты стоишь? – набросился на Иосифа Матвей. – Иди же, раструси свой живот...

– Займись гимнастикой, дорогой Матвей! – заверил его Иосиф, расправляя могучие плечи.

– Пора уж! Но и танец – в самый раз. Ну-ка! Жених недоделанный, – процедил себе под нос Матвей, и вслед за Иосифом вытолкнул в круг и Александра. – Прыгайте, пока ноги держат...

И сухопарый компаньон, будто того и ждал, бросился в танец, как в бой, с победным воплем «асса», и чубчик его ощетинился и взвился вверх, словно гребешок молодого петушка.

5

Спартак надел свой новый костюм, обул новые изготовленные дедом штиблеты, гладко выбритый и надушенный появился в салоне перед матерью в приподнятом настроении.

– Что же это такое? – Мария не удержалась от ревнивого выговора. – Не успел приехать и уже бежишь из дому. Или мы, родители, за тобой не скучали? Или не к нам вернулся?

Спартак не ожидал от матери такой реакции, замер на месте, точно посрамленный.

– Ну конечно, домой, мама, к тебе и бабушке приехал, – улыбнулся он, изумленный.

– И мы хотим порадоваться, наглядеться на тебя...

– И Катя ждала, звонила, скучала, – смутился он.

– Ну да, ну да, – согласилась с ним мать, но как-то с поддевкой.

– Такой куколкой стала. Не по дням, а по часам хорошеет.

Вряд ли потребовалась бы особая материнская пронизательность, которая позволила бы безошибочно установить истинную ценность признаний сына – радость была написана на его лице.

– Вот те на! – Мария округлила глаза так, словно с этой минуты теряла единственного сына. – По-твоему, я не вижу Катю? Считай, каждый день проходит мимо меня.

– Это и плохо, мама! – упрекнул он ее. – Пригляделась! А вот если бы ты посмотрела на нее моими глазами...

– Где уж мне, сынок мой любимый. Твои глаза – вон как горят, а мои, похоже, остыли. Всякого в жизни насмотрелись.

– Да ты у меня – самая наикрасивейшая женщина на свете!

Спартак оторвал мать с дивана и закружил в салоне в танце под собственный аккомпанемент, да так стремительно, что полетели в разные стороны ее домашние шлепанцы. Сделав два-три вальсовых тура, он усадил ее на прежнее место, заверяя:

– Завтра, мама, из дому – ни на шаг. Выплюсь – и буду с вами...

Марию волновало другое и, справляясь с дыханием, призналась:

– Не подумай, что я против Кати. Внешностью господь бог ее не обделил. Но что это, скажи на милость, выставлять свое красивое тело на всеобщее обозрение?! – Она потеряла воротник нового халата нежного небесного цвета. – Какой нормальный человек стал бы потворствовать девчонке-малышке на бог весть какое занятие?! А дядюшка ее в любом деле свою выгоду высматривает...

– Мама! Зачем же ты так?!

– Знаю, что говорю! Думаешь, только для тебя берегут прелести Кати? Ради собственной выгоды Кира способен на все!

– Ну, причем тут он?

– Наивный, – осуждающе закивала головой Мария. – Катя делала и будет делать все, что подскажет всемогущий дядя. Скажу больше. Он ей и мужа присмотрит, если не подыскал уже, – она покосилась в сторону соседнего дома. – Только бы мощна была побольше.

– Катюша не из того теста.

– Яблоко от яблони недалеко падает, детка.

– Они сами во мне заинтересованы, – усмехнулся сын. – Хотят, чтобы возглавил строительство.

– Вот оно! Затягивают рыбку в сети!

Мария увидела свекра, замешкавшегося под кухонной аркой, и раздумала продолжать спор.

– Похоже, запилила тебя мать, – мягко упрекнул Григорий.

– Не видишь, торчат одни святые мощи, – выпалила Мария.

– Были бы крепкими кости, дочка, мясо нарастет, – подмигнул внуку старик. – Помню, как однажды появилась у нас в доме Катя. Встречал я ее: «Добро пожаловать, невестушка!» До чего же хорошенькая. Была одета в светлое платьице, усыпанное нежными ромашками. Загляделся!

– Кстати, забегал этот бездельник, – поспешила перевести разговор Мария, чтобы выпустить из себя еще одну порцию критики. – С каких это пор Дима стал твоим другом?

– Как же – соседи, – взял под защиту парня Григорий.

– Ты – инженер-строитель, а он – извини меня... – не уступала Мария.

– К чему такая антипатия к Диме, дочка?

– Кривляка. Шут. Может, и не виноват парень. Разбаловал его Кира. Делает похожим на себя...

– Мама, ты меня любишь?

– Эх, мой хороший...

– Все мы, мама, рано или поздно расстаемся с детством, – Спартак приостановился у двери перед тем, как выйти. – У каждого свое время. Главное, чтобы вышли на правильный путь...

– Повзрослел наш парень, дочка, – сказал вслед внуку Григорий.

– С богом, сынок, – поцеловала его мать, но и от привычного наставления не воздержалась:

– Не задерживайся...

6

Из ярко освещенных кафетерий, расположенных вокруг площади, вырывалась наружу ритмичная музыка. Стоял теплый лунный вечер, людный парк жужжал голосами неугомонной детворы, носившейся вокруг фонтана.

Катя и Рита прошли по своей любимой аллее, сели на свободную лавку, расслабившись после утомительной демонстрации.

– Спартак, хорошая моя, должно быть, подался в святые, – Рита убрала со лба клок волос, возобновив новый виток наставлений. – Говорю к тому, чтобы не сказать что-то хуже. Сама знаешь, сколько развелось нынче аномальных...

– И взбрдет же такое тебе в голову! – Катю задел неуместный наговор подруги.

– Сколько времени ты с ним, и он еще не соизволил сделать тебя женщиной! – перешла на более резкий тон Рита. – Никто не поверит, расскажи такое кому. Может быть, нужно сводить Спартак к врачу? А что? Вполне возможно, у него проблема. Нужно поговорить с Димой. Пусть займется...

– Не вздумай! – пригрозила Катя. – А тебе не пришло в голову другое, что он меня оберегает?

– Тихо! – скривилась Рита. – Мы с Димой занялись этим уже на третий день. К чему откладывать такое удовольствие?! – распаялась она, похоже, даже наслаждалась от настойчивых увещаний.

– Или ты хочешь выйти замуж девственницей, как это делали сто лет назад?

– Ну тебя! – отбивалась смущенная Катя. – Юмор твой колючий – аж щеки горят.

– Смотри на нее! – невозмутимо осаждала ее Рита. – Добра тебе хочу. Да если бы ты знала, что это такое? Супер-кайф! Лично я не дожусь, когда уединимся с Димой. От чего оберегать?! Определенно, Спартак твой с прибабахом. Иначе нельзя объяснить его поведение. Ну, кто позволил ему издеваться над такой красоткой?!

– Ты – невозможная!

– Пожалуйста! Можешь сохнуть, как сучук.

– По-твоему, я сама должна попроситься?

– К чему так примитивно? – усмехнулась Рита. – Много ли нужно ума? У женщин наберется десяток приемов.

– Правда? – развесила уши Катя: очевидно, она и в самом деле неисправимая дура, что ничего о таком и понятия не имеет.

– С луны свалилась? Слушай, нетронутая инопланетянка. Как только он поцелует – станешь раздевать...

– Ни за что на свете не стану этого делать! – протестующе завизжала Катя. – За кого он меня примет?

– При чем тут ты? Раздевать станешь его, – хладнокровно продолжала Рита. – Главное, чтобы обстановка была подходящая. Одно, другое – он сам поймет и все пойдет, как по маслу.

– Ничего у меня не выйдет...

– Это почему же?

– Однажды решилась... чуть не провалилась сквозь землю...

– Когда? Вот тихушница!

Господи! Какой же выглядела Катя дурой, когда рискнула на практике применить совет подружки! Прикинулась, будто теряет в ногах силу от нежного поцелуя Спартака и прижалась к нему, повиснув у него на шее. Он обхватил ее крепкими руками и уложил на диван. Мать в отъезде, но могла явиться тетушка Анна, у нее свой ключ, звонить в дверь ей было ни к чему – она присматривала за жильем и питанием племянницы. Но Катя не на шутку увлеклась своей ролью, вернее – позабыла все на свете: обхватив шею Спартака, не отпускала его от себя, словно боялась провалиться в бездну. Советы Риты вылетели из головы, и в той ситуации, в которой оказалась, не ведала того, что делала...

– Не знала, как мне быть? – оправдывалась Катя, объясняя подружке о своем неудавшемся подвиге.

– Глупышка, знает он! – издевательски прошептала Рита. – Строить дома может, но не может уложить в постель страждущую девицу?!

– Когда он меня поцеловал... все поплыло перед моими глазами, – признавалась Катя так, будто оказалась в эпицентре мощного землетрясения.

– Ты достойна своей судьбы! – развела руками Рита.

– Хорошо, что тетушка прокричала заранее: «Катя, сердечко мое, я прибыла!»

– Что хорошего? – сердилась Рита, только не ясно, на кого больше. – Лучше бы вовсе не приходила, вездесущая каракатица!

– Что такое ты говоришь о будущей свекрови?

– Она меня не хочет. Ладно, переживу. С тобой, что будем делать, девочка моя? Только знай, тебя просто так я не оставлю!

– Опять ты меня провоцируешь...

– Благодарить еще будешь! Ну, шевели задницей! Спартак твой зажался...

7

Спартак спешил, унося с собой коряжий взгляд матери. Торопливо шагал к площади, где разворачивались такси, отправляющиеся из тупика во все стороны города.

«Душечка Кети, приди на рассвете...» – напевал он себе под нос мелодию какого-то старинного фильма, и поднял руку при виде такси.

Сидя в машине, предавался воспоминаниям. Еще до того, как Катя окончила школу, дедушка определил место девушки в жизни внука, встречая ее недвусмысленным обращением:

«А вот и наша невестушка!»

«Опять колючая задачка? – спрашивал Спартак, когда Катя подходила к его письменному столу с учебником по математике и тонкой тетрадкой под мышкой. – Сейчас мы ее разложим по косточкам».

И «раскладывал», объяснял так, что сразу же становилось ей понятным. Все учителя хвалили Спартака за глубокие знания и были правы: он постоянно побеждал на олимпиадах по математике и блестяще окончил школу. Мог бы найти строительный факультет и поближе к дому, но захотелось учиться в столице. И тогда уже все были нацелены на Москву. Другие знания! – подчеркивали периферийные знатоки.

У Кати с учебой так не вышло. Старалась на него равняться. Но, увы! Как говорит Спартака мама: далеко куцему до зайца. Зато Катя по-серьезному увлеклась рисованием, легко усваивала его замечания; и всем своим куклам шила наряды сама. Увлеклась моделями платьев, туфель...

Она очень рано расцвела, была настолько мила, что буквально все на нее заглядывались. А портрет ее оказался на обложке журнала – с того пошло и поехало...

Он не подозревал, что с каждым разом вкладывает новый смысл в столь обнадеживающее слово: «невеста». Понял, когда не смог, как прежде, произнести при встрече с Катей так же игриво и с беззаботной легкостью. «Здравствуй... – и запнулся. – Ты ли?..» Перед ним стояла не просто смазливая девочка, а стройная красавица!

А она ждала этого волшебного слова, как самого радостного мига ее жизни: «невестушка...» Кому-то может показаться наивным такое уведомление, но она уже подростком чувствовала, что именно так и будет: она станет только его женой. Только бы ему понравиться...

Катя всегда одевалась со вкусом и во все модное. И все чаще и чаще кружилась у зеркала, придирчиво рассматривая себя со всех сторон. Не лишена была фантазии и склонности к портняжному ремеслу: немало из того, что одевала, старалась сшить сама. Бежевая юбка из лайки плотно облегла ее бедра, очень шла ей мужская сорочка такого же цвета, рукава были закатаны выше локтей.

«Что же произошло?» – ловил себя на мысли Спартак, думая о малышке, которая неожиданно расцвела и стала обворожительно красивой девушкой. Возвращаясь на каникулы домой, он смотрел на нее как-то по-новому, восхищаясь и влюбляясь. Ждал с ней встречи, как нового дня, который принесет нечто восторженное, а встретившись с ней, пытался уединиться. Он перестал говорить с ней, как старший брат со своей сестренкой-малышкой, от его покровительственного тона ничего не осталось. Спартак охотно рассказывал Кати смешные истории из институтской жизни, немало интересного происходило и на стройплощадке, где он подрабатывал. Словом, сам того не замечая, делал все, чтобы завоевать ее сердце, и, похоже, преуспевал.

Катя умела не только слушать, заразительно смеяться и смотреть на него, замлев от радости, но и что-то интересное подметить из своей недолгой трудовой жизни фотомодели. Постепенно и она отделялась от робости, которую испытывала от первых с ним встреч.

И вот как-то, перед отъездом в столицу, это случилось, и она едва устояла на ногах: он обнял ее за плечи и поцеловал в губы. Она растерялась, обомлела – так было здорово, господи! Закружилась голова...

Они встретились у входа в центральный парк. Спартак поцеловал Катю в щеку, несмотря на то, что она ждала совсем другого поцелуя. Но проглотила обиду, когда он обнял ее за талию, уводя в сторону.

– Ну, показывай свои апартаменты, – предложил Спартак, засматриваясь на нее с повышенным интересом, будто за полгода что-то могло измениться во внешности девушки, особенно в ее лице.

Она смущенно отвела взгляд. И замешкалась ответить.

– Громко сказано, – Катя взяла его под руку, и он слегка прижал ее к себе, как бы оправдывая поспешный поцелуй и вовсе не такой, на который она рассчитывала.

Но не стала на этом заострять внимание: все-таки – поспешил к ней в первый же день приезда. А это многого стоит! Если учесть, с каким нетерпением ждали его домочадцы. Мог бы сегодня побыть с родителями. Тетя Мария, мать его, как не пыталась скрыть, тревожилась, что он останется в Москве. Переживала и Катя, откровенно говоря. И вот он прибыл. И, кажется, не потребуются особые заверения в его к ней чувствах.

Ему интересно было ознакомиться с ателье, полагал, не более получаса займет микроэкскурсия. Затем отправятся в парк, отметят встречу в укромном месте, в кафе, где собиралась по вечерам молодежь. В такой теплый вечер в самый раз посидеть у реки, от которой веет благодатной прохладой.

Идти было недалеко: пересекли проспект, центральную улицу города, поднялись по улочкам чуть вверх – пару коротких кварталов. Перед тем, как войти в здание, где размещалось ее ателье, Спартак сразу же высказал недовольство:

– Обещала перейти в модельеры. Губишь свой талант! – пояснил он.

– Пойми, – оправдывалась она, – я стала владелицей ателье. Перед дядей Кирой будет неудобно. Отвалил столько денег на ремонт и все такое...

– Ну да, – невольно повторил он странное выражение матери.

– Окажусь неблагодарной, – Катя не стала обращать внимание на тон Спартака. – Занялась рекламированием моды! Мотаюсь, ни сил, ни времени не остается. Ну, улыбнись! – подытожила она, входя в здание и уводя его за собой.

– На тебя невозможно сердиться, – ее тонкая талия оказалась в крепком кольце его руки. – Кстати, я привез тебе журналы с модными моделями.

– Обещаю, займусь вплотную, только дай мне немного времени.

Они поднялись на старом гремучем лифте на второй этаж.

– И дядю вожу за нос, – улыбнулась она ему. – Обещаю заняться для его фирмы моделями. Однажды решусь...

– Очень хорошо! – одобрил Спартак.

– Кстати, у него грандиозные планы, – делилась она вдохновенно, будто могла этим доставить ему особую радость. – Знает, как привлечь внимание к фирме. Взялся шить туфли девочкам, участвовавшим в конкурсе красоты. Посыпались после этого заказы! Вот бы и ты пришел на фирму...

– А я, с какой стати?

– Будем вместе...

– Моя мечта – снести «хрущёвки» и построить культурный Центр, а не расширять фабричные комнатухи.

Спартак задержал на ней ласковый взгляд, но ей показалось, что он оскорбился от неуместного предложения. И прохладный ветерок пробежал между ними.

– Лучше иметь дядю в союзниках...

Длинный коридор уводил вглубь, и Катя устремилась вперед, доставая из сумки ключи.

– А как Дима? – Спартак попытался разрядить обстановку. – Чем решил заняться?

– Бесцельно проводит время! – изливала обиду на двоюродного брата Катя. – Избаловали его так, что собрать не могут...

– Парень неплохой, ему бы идти учиться.

– Продолжает свои чудачества. Так умело подбирает голоса...

– У него и прежде здорово получалось.

– Как бы ни навредил себе и другим, – Катя задержалась перед тем, как открыть дверь. – Расскажу свежий случай. Рита, его девушка, пожелала пойти на концерт заморских знаменитостей. Билетов не найти. Она в шоке. Взяла Диму за горло. Как это она не окажется на такой тусовке! Мог ли Дима отказать своей любимой? Позвонил какой-то важной особе, подделав голос какого-то важного чиновника отдела культуры...

Катя широко открыла дверь и зажгла свет. Спартак смеялся, качая головой, идя за девушкой следом.

– И меня однажды подставил, – развернулась она к нему лицом. – Позвонил Ёске, ну, Иосифу. Будто я жду его после демонстрации мод. Был поздний час. Нужен, так сказать, провожатый. Тот обрадовался и быстро примчался. И Рита подлила масло в огонь... Тебе смешно, а на меня потом как-то странно посматривала тетушка Анна, будто на его богатство позарилась...

– Диме заняться бы пародией.

– Невинная шутка, но дядя стал строить планы! Ну, хватит! – и ей бы рассмеяться, но Катя сдерживалась: кто знает, как воспримет Спартак? – Смеешься... А Ёска, этот пузанок, стал появляться там, где я его совсем не жду. К тому же стал трепаться направо и налево, что я просила его приехать за мной. Теперь не знаю, как мне избавиться от навязчивой опеки?

– Этим займусь я...

– Кстати, он и в этом году намерен поступать на юрфак...

Катя юркнула в свой кабинет, а Спартак задержался в ателье, залюбовался огромными фотографиями, размещенными на стенах помещения. Черно-белые, цветные, старые, свежие, в основном – женские лица, прекрасные обнаженные тела. Зачаровывала красота, и приятно было смотреть до тех пор, пока это были снимки незнакомок. Но вот брови Спартака полезли на лоб и кровь в жилах стала, кажется, остывать: в глаза ему бросился портрет Кати в полуобнаженном виде. Снимок, правда, был сделан с большим вкусом и эстетическим мастерством, тем не менее вызвал в нем непроизвольный протест: вот так, запросто, могут любоваться ее красивой фигурой все, кто приходит сюда?!

На память пришли слова матери: «...Внешностью господь бог ее не обделил. Но что это, скажи на милость, выставлять свое тело на всеобщее обозрение?!»

Из соседней комнаты вышла Катя, она перехватила его взгляд и покраснела.

– Какой уже день прошу фотографа снять...

– Напрасно, портрет отличный, – потупился он, словно уличенный в обмане.

– Пошли, покажу тебе свой кабинет, – Катя взяла его под руку.

Щеки ее горели, она чувствовала, как краснеет от одной только мысли, что будет пытаться его соблазнить. Смущало еще то, что Спартак смотрел на нее с восторженным интересом, словно проник в ее потаенную затею.

– Ну, как находишь? Не блеск, но все-таки...

Небольшая комната с огромным окном, глядящим на шумную улицу, была освещена горящими свечами, водруженными на квадратном журнальном столике – только что зажженные фитили, быстро разгорались. В центре – бутылка шампанского и ваза с фруктами.

– Что-то отмечаем? – заглянул он в ее игриво-лукавые серые глаза.

– С приездом! – две ямочки продавились на ее улыбающемся лице.

– Спасибо...

Катя не дала ему договорить:

– Или не повод? – Она всячески старалась скрыть волнение, но, очевидно, не очень у нее это получалось, и попыталась скрыть легкими нападками. – В этот раз ты что-то дольше задержался...

Лучшее средство защиты – это нападение, говорят. Вот и она решила использовать испытанный метод, чтобы подавить свою нерешительность.

– И не только с прибытием, но и с красным дипломом... – подчеркнула она с игривым вызовом, рассчитывая на поцелуй, не такой, как у входа в парк, а настоящий, который ждет более полугода.

Он виновато пожал плечами.

– Отметим, конечно... – растерялся Спартак, будто уличенный в каком-то прегрешении. – О дипломе с отличием, разумеется, успела уведомить моя мать, – покачал виновато головой он. – После защиты подвернулась небольшая халтура, и с сокурсниками взялись подработать. Сколько можно висеть на плечах предков?! Звонил же я тебе...

Оправдываться ему незачем было, она все хорошо помнит. Просто, ей нужно было предпринять какие-то защитные меры, чтобы не выдать себя с потрохами. С ее ли трусостью идти на подобные подвиги? «Ну, помоги же мне!» – зывали не только ее сердце и глаза, полные надежды и нетерпения, но и вся ее жаждущая плоть.

И они как бы застыли на месте в робком мину тном ожидании, смотря друг на друга с нежностью. Он приоткрыл рот в соблазняющей улыбке, и на его смуглом загоревшем лице обнажилась полоска белых зубов. И в этот раз он, однако, не поцеловал ее в губы.

Спартак аккуратно открыл шампанское, крепко держа пробку, когда извлекал из горла бутылки, разлил светлый шипучий напиток ей и себе в удлиненные стаканы. И предложил

за встречу короткий тост: рад, мол, тебя видеть и будем здоровы и все такое. Но что слова! Миг для нее волшебный, таинственный, решающий. Катя слушала Спартак, но стук сердца ее отвлекал. Они чокнулись звонкими хрустальными бокалами. Спартак выпил до дна, будто утолял жажду, она же не смогла осилить даже треть шипучки. Он забросил себе в рот виноградину и, жуя, смотрел на то, как она морщится от кисло-сладкого напитка.

– Ты похудел? – Катя будто нашла какие-то изменения на его лице, и укорила себя за то, что не смогла осилить некрепкий напиток и, стало быть, не осмелится настроить себя на интимный подвиг.

– И мама так считает.

– Но тебе очень идет. Придает аристократическую, так сказать... – невольно получилось вычурно, и она поспешила упростить фразу.

– Как в старину, что ли... Под нашим солнцем и обильным угощением быстро восстановишься. Здесь это умеют...

– Мама грозит меня откормить.

– Не вздумай поддаваться! – запротестовала Катя. – Сейчас иные платят, чтобы похудеть. А наши норовят раздать нас вширь...

– Причуды южан, – усмехнулся Спартак и взял под защиту родителей. – Старших понять можно, – он долил ей еще немного и себе почти до верха, и пояснил свою мысль. – Выпало на их долю всего. Хотят осчастливить детей. У меня такое ощущение, что основное удовольствие наших людей заключается в пирушках. Будто нет других увлечений. Замечаешь, все наши праздники, загородные вылазки, как правило, держатся на застолье. Не так ли?

– Точно! – Катя усмехнулась. – Вспомнила дядю Матвея. Пить он совсем не может, а дядя Кира цыкнет на него... Ходит потом по комнате, сам не свой. И тетя Анна мужа обвиняет. Одному застолье, а другому головная боль. Известны тебе наши кавказские приколы...

– Хотела бы жить в Москве?

Вопрос показался Кати настолько неожиданным.

– Не знаю... – растерялась она.

– Совсем иная там жизнь.

– Наверно, – пожалала она плечами. – Столица, страна в стране...

– Другие возможности...

Спартак смотрел на нее так, будто проверял ее, и ее охватила легкая паника. Ритка, ушлая, и такой вариант предусматривала: а вдруг у него в столице завелась подружка, стращала, и вот он решил ее испытать. Откажется или согласится покинуть родных и близких, привычный жизненный уклад и все такое?..

– Перспектива... – он, казалось, смотрел ей в самую душу.

– Еще бы, – неуверенно поддержала его Катя. – Москва есть Москва. Не то, что наша периферия. Но... согласись, и здесь мы приноровились, вернее прижились, – поправила она, – живем. В своей, как говорится, тарелке. А там, огромной столице, – потеряемся...

– Люди отправляются жить за границу и ничего, – и опять этот оценочный его взгляд, холодящий ее душу. – Не теряются, если знают, зачем едут, готовы дерзнуть, чтобы чего-то в жизни добиться... – и голос увлекающе заманчивой.

– Но разве нам здесь плохо? – И она решила использовать свою женскую хитрость: возможно, не такую изощренную, но вполне сойдет в целях самообороны.

– Пока были юными, под родительским крылом.

– Не знаю... – Катя почувствовала себя такой беспомощной оттого, что не могла ему возразить. – У тебя были такие планы, – ласково продолжала она, окончательно теряя надежду на то, что может что-то получиться из затеянного подружкой плана. Господи! Да и о каком соблазне может идти речь, если назревает конфликт и даже расставание! – Готовил проект, чертежи,

такие великолепные рисунки... – подчеркнула она так, чтобы не сдаваться без боя, и из явно проигранной ситуации хотя бы с достоинством выйти.

И это, похоже, возымело действие:

– Дадут ли построить культурный центр? – заговорил он уступчиво о своих опасениях.

– Почему же нет?! – она попыталась приободрить себя шампанским, сделав в этот раз более решительный глоток, другой.

– Кира намерен строить предприятие на этом участке...

– Начнешь с него, – осторожно предложила Катя. – А потом видно будет. Надо ли из-за каких-то даже временных трудностей уезжать?

– Если заставят обстоятельства...

– Здесь все наши родные, друзья... места. Все, все...

Глаза ее невольно наполнялись слезами.

– До чего же ты красивая...

То ли она услышала, то ли ей показалось, и, вновь схватив стакан, она пылко завершила:

– И Москва не сразу строилась! – жарко выпалила Катя. – Я на твоей стороне... – жертвенно добавила она. – Добьемся! Куда они денутся...

Она смолкла, утопая в его нежном поцелуе.

8

Родные и близкие утверждали, что Дима, единственный сын Анны и Матвея, изменился, возмужал, после армии остепенился, стал выше ростом, обогнав даже дядю Кира. В чем-то, может быть, правы. Но что значит, «остепенился»? Разве до армии он был хулиганом, рэкетиром? Просто, рос резвым пацаном, энергичным парнем, а не тихушником.

Мать приставала к отцу, когда сердилась на сына, и с упорством дотошного сотрудника правопорядка доискивалась, пытаясь во что бы то ни стало установить, кто в отцовском роду был таким не сносным живчиком, полагая, что все дурное переходит к детям непременно по линии отца. В такие минуты она не замечала, что сын – в мать, а характером скорее похож на ее родного брата, Киру, у которого днюет и ночует он с самого детства.

С учебой у Димы не вышло, как того хотели родители, особенно отец. Закончил школу, утомительную одиннадцатилетку. И не пожелал более садиться за надоедливые учебники. Зубрить, если он не решил, куда поступать, если не знает, кем хочет стать. На стороне племянника всегда оказывался дядя Кира:

– Время покажет. И я не заканчивал института и что же? А все ко мне тянутся за советом. Дело наладил. И наши семьи, и семьи моих компаньонов всем необходимым для жизни обеспечены. Время деловых и удачливых наступило. Отслужит в армии. Физически и духовно окрепнет. И вольется в наши ряды...

Мать во всем с братом соглашалась. Отец приуныл: растворялась его призрачная мечта – спал и видел сына с высшим образованием. Он ставил в пример Спартака, одержимого строительством, как и его отец. Здорово рисовал парень. Одаренный. У Димы же – еще не прояснились способности, не сформировалась, что ли, его призвание.

Провожали в армию – накрыли обильный стол, будто отправляли на фронт – произносили патриотические речи: помни, не осрами семью! Вернулся из армии – снова застолье. Дядя Кира торжественно возвестил: теперь, мол, перед тобой открыты все двери! Однако Диме нужна была лишь одна дверь, дверь Риты, его девушки. И конечно, тачка.

Теперь она у него есть, и он был на седьмом небе: «Мерседес» – подарок, который он дождался, как манны небесной, и мог отправиться, куда хотел, вырваться на волю, как заточенный в клетке щегол.

– Можем отправиться хоть на край земли! – выпалил Дима, крепко обнимая девушку и указывая на новую иномарку.

Маршрут оговорили заранее: посетить новый ресторан в ущелье. Давно собирались, наслышанные не столько о замечательной кухне, сколько о живописном месте, где выстроили это своеобразное заведение. Но раньше не получалось из-за того, что не было своей тачки.

Дима со скрежетом машины сворачивал на очередном серпантине крутой дороги и горделиво смотрел перед собой. «Мерседес» надежный транспорт, что надо! Мечтал о такой тачке и дождался.

Ресторан показался издали, как башня на верхотуре. Площадка вокруг была выстелена плитами. Вокруг чудесные ели. Райский уголок.

И внутри был вид привлекательный: танцевальная площадка, хоть и небольшая, столики, расположенные месяцем, оркестр исполнял милое танго. И две пары покачивались в центре, тесно друг к другу прильнув.

– А здесь очень мило, – сказала Рита, чуть задержавшись внутри ресторана.

И ее возвышенное настроение разлилось в его душе бальзамом.

Стены повествовали о былых ратных подвигах южан с иноземцами.

– Пойдем? – предложила она, указывая на пары.

– Наберемся пара, потом, как говорит мой дядька Кира, – потянул Дима подружку к свободному столу у окна.

На площадке тем временем оказались еще две пары, и плавно передвигали ноги в спокойном танце.

Обслужили их быстро, поскольку посетителей было немного. Дима был сыт, но заказал всего понемногу. И после нескольких стаканов красного вина пригласил на танец Риту.

Тонкая и стройная, как кипарисы, что виднелись из огромного окна, она тянулась вверх, словно стремилась дотянуться до губ Димы. Влюбленными и хмельными глазами смотрела на него, безмерно счастливая.

– Если бы ты знал, как мне хорошо с тобой! – она прижималась к нему, обвивая его шею тонкими руками.

– Знаю! – Он крепче прижал ее к груди. – И я испытываю тоже самое!

Они танцевали, почти не двигаясь, лишь слегка качаясь. Кончилась мелодия и он повел ее не к столу, а к окну. И, отойдя чуть в сторону, обхватил ее и стал целовать порывисто, признаваясь:

– Я больше не могу! Жутко хочу тебя! Уйдем поскорее!

От крепкого объятия захрустели ее косточки.

– Сумасшедший! Раздавишь меня, – она пыталась высвободиться. – И я хочу, но зачем же душить меня, как Дездемону?

– Пошли. Здесь шикарные номера в гостинице, – предложил он.

– С тобой – хоть на край света. Но... мы только пришли, – кокетливо покосилась Рита на накрытый стол, подле которого стояли. – Наберемся пара... – шутливо напомнила она.

– Тогда еще по бокалу и – все!

Они поднялись по дощатым ступенькам двухэтажного коттеджа. Вошли внутрь комнаты. Он включил свет. «Фу!» – выдохнула она, не взглянув на дорогостоящий гостиничный люкс. Легла на широкую кровать и, распростерев руки, сбросила с ног туфли.

– Полежи, пока приму душ, – Дима на ходу расстегивал рубашку.

– И меня возьми с собой, а то – усну.

– Айда, моя крошка, – он взял ее на руки и унес в ванную.

Снял с нее платье и повесил на вешалку. Перехватив в огромном зеркале отображение ее красивого обнаженного тела, он порывисто повернул ее к себе.

– До чего же ты аппетитна! – он хищно впился губами в ее упругие груди с острыми сосками. – М-м... сладенькая моя.

– Ну, Дима, – жеманно сопротивлялась Рита. – Душ, а потом – я вся твоя...

Она сладко визжала под душем, когда он направлял сильные струи воды в чувствительные места ее тела, замурлыкала от удовольствия, когда он стал нежно обтирать ее махровым баннным полотенцем.

Дима унес ее и уложил на широкую кровать и, разглядывая ее порозовевшее тело, восторженно воскликнул:

– Неужели все это мое? Настоящий клад! Ошалеть можно!

Он был в ударе. Рите казалось, что от ее вздохов и стонов сбегутся гостиничные клиенты и работники, но не могла сдерживать себя от его сладострастных проникновений. Кровать мало-помалу превратилась в борцовский мат.

Сидя в машине, Рита продолжала жить страстными минутами.

– Ты окончательно меня покоришь, разбил, уничтожил, – призналась она. – Боже! Как можно лишиться себя такого удовольствия?! – вспомнила и о своей подруге.

– Бес в меня вселился. Ты зажигаешь так, что можешь спалить! – он смотрел на Риту, разомлевшую на сидении рядом, точно намеревался снова наброситься.

– Ты – настоящий хищник! – и она глянула на него с очарованием. – Тигр! Тело будто не мое...

– Отныне я буду купать тебя – так возбуждает!

– Ты всегда будешь таким?

– У меня к тебе бесконечное половое влечение! – Дима отпустил руль, чтобы привлечь к себе Риту. – Никогда ты мне не наскучишь!

– С ума сошел! – запротестовала она. – Смотри на дорогу...

– Иди ко мне, садись на колени...

– Перестань! Мы разобьемся...

– Мы еще не занимались любовью в такой позе. В движении... Такой это будет кайф! В одном американском фильме показывали. Меня это очень заинтересовало. Непременно надо попробовать. Ко мне лицом повернись, – усаживал он ее удобнее. – Вот так, мое сокровище. А теперь помоги мне.

– Какой ты ненасытный, – она полезла ему в ширинку. – Просто, настоящий тигр...

Из-за угла неожиданно показался нос такси.

Дима надавил на тормоз, но было поздно. Раздался треск...

9

После пьянящего поцелуя зыбкая задумка напрочь выветрилась из головы Кати, и, похоже, она уже не принадлежала себе. Спартак доливал ей коварный напиток, который поначалу казался безобидным, а она смелела и охотнее отпивала, не думая о последствиях. В итоге покраснелась, как клуша, щеки горели и ее в жар бросало. Шампанское, которым увлеклась, исподволь делало свое черное дело, и внезапно придало ей шальную решимость. Она пересилила неловкость и переместилась на подлокотник кресла, на котором сидел Спартак.

Она уже не та малышка с косичками и белым бантиком, которую он прежде знал и наставлял. Она выросла из короткой юбки и готова доказать свои окрепшие с годами к нему чувства. Вот только нужно переступить ей последний барьер нерешительности. Однако и он мог бы взять на себя инициативу, разве не видит, не чувствует, как она тает в его объятиях?!

– Честно говоря, Москва – настоящий дурдом, – как будто не к месту возобновил Спартак разговор о столице, но чуть позже прояснилось. – Все куда – то спешат. В метро, как в мура-

вейнике. Особенно на станциях, где вокзалы, и съезжается масса людей с периферий. Вечно что-то тащат. Какие-то неподъемные баулы. Толпа теснит, давит. На эскалаторе спотыкаются, переступая...

Явно утрировал он, чтобы не просто ее рассмешить, выдать ситуацию поярче и забавнее, но намеренно вкладывал определенный смысл в суматошную жизнь мегаполиса. Спартак согласен с ней и это чудесно, и сгущал краски, принимая ее сторону. Хорошо там, где нас нет.

Катя улыбалась, довольная таким разворотом событий и осторожно уложила руку ему на плечо.

Спартак как будто услышал зов ее сердца, развернулся к ней лицом и коснулся губами ее губ. Правда, уже не так страстно, как до этого, а как-то трепетно, словно остерегался продолжения. И она вынуждена была обнять его, прильнуть к нему, чтобы продлить наслаждение и придать ему смелости. «Я твоя, твоя», – зывало ее сердце. Катя не ожидала от себя такой дерзости, по-серьезному взялась за свою усложненную роль, и, кажется, добилась своего. Ухватившись за его шею, она оказалась в крепком кольце его рук, не соображая уже, как ей поступить дальше... Глухим стуком отдавались в ее висках и в груди дерзкие напутствия Риты:

«Начнешь его раздевать...»

Боже! Как это сделать, когда руки у нее были заняты, она не могла и не хотела отпускать от себя Спартак, – шампанское, похоже, больше расслабило ее в итоге, нежели придало ей решимости.

– Тебе не жарко? – шепнула Катя первое, что пришло ей в голову.

Ей было нестерпимо душно, стала какой-то ватной, обессиленной. Никогда она столько не пила. Не полагала, что такой неказистый вроде бы напиток может сделать ее столь податливой, как пластилин.

Но вдруг вспомнила, что не заперла дверь на ключ. Могла заявиться уже не тетушка Анна или клиенты, но дядя Кира. И это будет уже не тихий ужас! А грандиозный скандал. «Без обручения и свадьбы!» – разразится грозным воплем тетушка Анна, всегда и во всем поддерживая брата, и тогда, уж точно, Катя себе такое не простит.

Спартак ее не отпускал, да и она не могла шевельнуться, разомлев в кольце его крепких рук. Смотрела на него с беспомощной нежностью. Не могла и не хотела покидать столь сладкое пленение. Мысли отступали под властью неудержимого желания.

И в этот миг зазвонил ее мобильник. Она вздрогнула, высвобожденная из его объятий, и машинально покосилась в сторону двери. Сообразив, что это разрывается бравурными ритмами телефон, неохотно включила связь.

– Да! – Катя откликнулась, едва сдерживая недовольство, однако немного погодя голос ее резко осел, изменился. – Что-о? Что ты говоришь?! – она резко поменялась в лице. – Как?

Бледное лицо Кати насторожило Спартак:

– Что случилось?

– Дима столкнулся с такси...

10

Таксист вывалился из машины и, не разгибая до конца спины, на изогнутых от потрясения ногах ошалело рассматривал крепкую вмятину на носу своей машины.

– Что ты наделал, придурок? – завопил он, размахивая руками. – Новая машина! Где были твои глаза? Прешь на красный свет, как бык, на красное полотно!

Дима, напуганный и оглушенный, вышел навстречу таксисту; он то ли держался за голову, то ли приподнял руки вверх, как бы принося свои извинения таким капитулянтским способом.

– Так получилось, браток, – он попытался по-хорошему разрешить обстановку. – Уплачу, возмещу убытки, как полагается...

– Что мне твои деньги! Хозяин фирмы изживет меня со света! Вызову полицию... – он полез в боковой карман пиджака, достал мобильник.

Дима не дал ему набрать номер, повиснув у него на руке.

– Только не полицию, я тебя прошу! – завопил он. – Сами разберемся! Уплачу сколько хочешь! Только доберемся до дому. При мне не будет столько денег...

– На кой хрен мне твои деньги! – отмахнулся таксист.

– Что ты такой нервный! – Дима терял терпение. – Все мы здесь друг друга знаем. Как говорит мой дядя – одна половина наши родственники, другая – близкие друзья. Из какой половины будешь ты? Не делай из мухи слона. Бери деньги по-доброму!

– Долго еще будешь с ним базарить? – прокричала из машины Рита. – Я тут отбила себе задницу, а он еще что-то пиликает там...

– Сейчас! – прокричал Дима. – Не видишь, уперся рогами...

– Перед кем ты рисуешься, молокосос?! – вспыхнул таксист. – Хочешь показаться перед бабой своей смельчаком? Давно перестал писать в штаны?

– Какая муха тебя укусила? – Дима надеялся миром уладить конфликт. – Не можем по-доброму разойтись?

– Развелось деток богатеньких! – завелся таксист. – Палец о палец в своей жизни не ударили, а на дорогих машинах разъезжаете. И думаете, что весь мир вам принадлежит. Вбей себе в башку, бездельник! Ты – никто! Дурно воспитанный и плохо кончишь...

– Видать, не кормили тебя в детстве сладким и поэтому столько в тебе горького...

– Что ты знаешь о моем детстве, баловень? – таксист стал набирать номер отделения милиции на мобильнике.

– Ну, что он там выпендривается! – капризно вмешивалась Рита.

– У меня в сумке тоже есть деньги...

Дима обошел свою машину и выругался:

– А еще обижается, что назвал твердоголовым... Звонит в полицию, кретин. Представляю довольную морду Андрея!

Рита выскочила из машины, держась за бок.

– Соображаешь, что делаешь? – она полезла на таксиста с кулаками. – Разве не понимаешь, что могут лишить водительских прав моего парня?! Или твоей вины нет? Ну-ка, докажи, что ты не слон?

– Что ты болтаешь?! – отбивался от агрессивной девицы таксист, сторонясь. – Моя дорога была!

– Бери деньги и – дуй отсюда! – припирала его Рита. – Праведник!

– Посмотри, что сделал твой недоносок! – таксист указал на свою машину.

– Эй ты, горшок с ручками! – Дима двинулся на таксиста, заноса руку для удара. – Сейчас я смастерю тебе другую поломку!

Полицейская сирена оборвала перепалку.

– Ну, кретин, теперь ты у меня получишь... – прошипел Дима.

– Лоб расшибешь, дырку от бублика – вот, что возьмешь...

11

Спартак и Катя застали Риту под тусклым уличным фонарем. Она тотчас бросилась ей в объятия со слезами.

– Или не знаешь своего чокнутого брата? – жаловалась Рита, держась за ушибленное место ниже пояса. – С дурной фантазией...

- Где же Дима? – Спартак заглянул внутрь машины.
- Увезли, а меня не взяли...
- В больницу? – испугалась Катя.
- Какая больница? – всхлипнула Рита. – Это я отбила себе задницу.
- Сбежал? – нехорошо подумал о Диме Спартак.
- В тюрьму увезли, – Рита взялась за бок.
- За что?
- Таксист попался дурак набитый! – Рита сделала страдальческое лицо. – Не захотел брать деньги, кретин! Орал, как резанный! Грозился посадить Диму в тюрьму.
- Туда так просто не сажают, – не поверил Спартак. – Наверно, отправили в полицейское отделение.
- Приезжала машина с мигалкой, – вспомнила Рита. – Ну погоди, что я сделаю этому болвану! Не избежит он моей мести! – пригрозила она.
- Только ли Дима виноват? – выясняла Катя.
- Такой был чудесный вечер! – невинно объясняла Рита.
- И вдруг появился этот чокнутый. Мы даже не заметили. Налетел на нас – бам! Отбил мне задницу. Руль буквально впился...
- Ты сидела за рулем? – опешила Катя.
- Делать мне нечего!
- Как же руль оказался?.. – Катя глянула на Спартака и не стала уточнять.
- Что я с этим таксистом сделаю!
- Не знаю, что ты сделаешь, а я с ужасом думаю, что скажу дяде Кире? – Кати было не до угроз подруги.
- Прошу тебя, ни слова Кире! Во всем лишь меня обвинит...
- Рита ухватилась за обе руки Кати.

12

У входа в полицейское отделение Дима столкнулся с Андреем, избежать нежелательной встречи со своим далеким родственником не удалось. Сейчас грозный страж отыграется за все, что Дима за столом ему наговорил. И в качестве обороны принял торжественно вызывающую позу:

- Приветствую наших доблестных блюстителей порядка!
- У долговязого Андрея под орлиным носом встопорщились черные усы, и он с настороженным удивлением воззрился.
- Какими судьбами ты здесь в такой поздний час?
- Пришел проведать, как вы тут несете вахту? – куражился Дима.
- «Моя милиция меня стережет!» Проходил, наверно, в школе?
- Увидев следом идущего полицейского, Андреас насторожился.
- Что-то серьезное? – спросил он коллегу, отводя того в сторону.
- Столкновение.
- Сильное? Хочу сказать – ущерб большой? – потревожился Андрей.
- У таксиста? – уточнил полицейский.
- На кой черт мне таксист!
- У этого? – указал глазами на Диму полицейский. – Конкретно сказать не могу...
- Бедный Кира...
- Этот?..
- У этого ничего за душой нет! – сердито вымолвил Андрей.

– Послушай, дружище, у меня срочный вызов, – доверительно обратился он к коллеге. – Проследи, чтобы все было, как надо. Родственники не поймут меня, если что...

Пока полицейские переговаривались, обособившись, Дима направился вглубь помещения, как к себе домой. Не раздумывая, бросился за ним и таксист.

Двое полицейских играли в нарды. Тот, что сидел лицом к двери, обладал огромными усами, второй – сверкал под лампой с каким-то желтоватым светом круглой, как блюдце, лысиной. Оба полицейских были увлечены игрой и к появлению гостей отнеслись равнодушно.

– Сидим, играем, время коротаем, – стал заигрывать с ними Дима. – Солдат спит, служба идет.

Он подошел к столу, постучал пальцами по планке доски, как занимающий очередь игрок, желающий сразиться с победителем.

– Ну, кто из вас скрестит со мной шпагу? – сделал он вызов.

– Ты в дверь постучал, чтобы тебя пустили? – бросил на гостя сердитый мимолетный взгляд тот, чья лысина напоминала блюдце.

– Ваши двери всегда открыты, дорогой! – подчеркнул Дима.

– Вход есть, выхода – нету! – согласился обладатель усов.

– Добрый вечер, – робко напомнил о себе таксист.

– Может, утро? – чувствовался некоторый подъем в настроении полицейского со щедрой растительностью под носом: после двух «пятерок» выпали две «шестерки» и заметно прояснился на доске его явный перевес.

– Им какая разница, что вечер, что утро, – нервничал другой, у кого игра не клеилась. – Бессонница...

– Плохи твои дела, дорогой мой, – заметил преуспевающий полицейский с нарочитой строгостью.

– Это мы еще посмотрим, – напарник подкинул зары еще азартнее, уверенный, что выпадут необходимые цифры.

И, в самом деле, они выпали, как того он хотел, и мало-помалу выправили положение его шашек на доске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.